

# АКАДЕМИЯ ВОЛШЕБНЫХ ИСКУСТВ

ЛИРА РОЛЕТ

*Испытание стихий*

Lira Polet

**Академия волшебных  
искусств. Испытание стихий**

«Автор»

2026

## **Polet L.**

Академия волшебных искусств. Испытание стихий / L. Polet — «Автор», 2026

Он — её детская любовь, которая однажды разбила ей сердце. Она — младшая сестра его лучшего друга, которую он привык считать ребёнком. Теперь они в одной академии, и он — её куратор. Впереди — год тренировок, командных испытаний и экспедиция в Заповедный лес. Туда, где элементали выходят лишь к тем, кто не боится чувствовать. Туда, где рождается магия Энергии — самая редкая и самая опасная. Лее предстоит забыть старые обиды, научиться доверять и понять: в этом лесу побеждает не самый сильный. А тот, кто любит.

# Lira Polet

## Академия волшебных искусств. Испытание стихий

Глава 1 Прощание с морем

Солнце клонилось к горизонту, окрашивая воду в расплавленное золото и розовый перламутр. Лея сидела на ещё тёплом песке, обхватив колени руками, и смотрела, как волны одна за другой накатывают на берег, слизывая следы её босых ног.

Завтра утром она уедет.

Последний день перед возвращением домой всегда давался тяжело, но в этот раз — особенно. Завтра начиналась новая жизнь. Академия. Факультет мракоборцев, на который она поступила сама, без протекций, сдав все экзамены в числе первых. Отец, узнав, просто кивнул и сказал: «Я не сомневался». Мама обняла и прошептала, что гордится ею. Близнецы потребовали рассказать про экзамены в лицах, маленькая Элла просто радовалась, что сестра дома.

А потом Лея собрала вещи и уехала на целый месяц к тёте.

Она проводила здесь каждое лето с одиннадцати лет — в маленьком прибрежном городке Иль-Маре, где солёный ветер путал волосы, а воздух пах водорослями, рыбой и чем-то неуловимо волшебным. Тётя Морвен была старшей сестрой отца, и, в отличие от него, никогда не стремилась к карьере в Министерстве. Она вообще ни к чему не стремилась — просто жила в своём доме у моря, растила розы, варила абрикосовое варенье и была одним из сильнейших ментальных магов Иллюзиона.

«Твой отец научит тебя драться, — сказала она Лее как-то, в первое лето. — А я научу тебя думать. И не думать тоже научу. Иногда это важнее».

С тех пор каждое утро они начинали с медитаций. Тётя садилась напротив, закрывала глаза и просила Лею выстроить ментальный щит — сначала слабый, прозрачный, который Морвен проходила как нож сквозь масло. Год за годом щит становился плотнее. К шестнадцати Лея могла держать его так, что тётя удовлетворённо хмыкала и говорила: «Неплохо. Ещё пять лет — и сможешь блокировать меня на пару секунд».

Морвен никогда не хвалила просто так. Её «неплохо» стоило десяти отцовских «молодец».

Лея подтянула колени ближе к груди. Песок под ней остывал, но уходить не хотелось. Море дышало — мерно, спокойно, вечно. Завтра она сядет в поезд и вернётся в столицу. А послезавтра — академия, новые люди, новые испытания. И Дар.

Она поморщилась собственным мыслям.

Дар.

Она помнила их первую встречу так ясно, будто это было вчера. Ей было шесть, ему и Тео — по семь. Папа объявил, что приедет его старый друг Маркус Арден с женой и сыном. Мама суежилась на кухне, Тео носился по дому, проверяя, всё ли готово к приезду «настоящего друга», а Лея просто ждала. Ей было любопытно.

Когда дверь открылась, она спряталась за мамину юбку — не из страха, а из врождённой осторожности, которую тётя Морвен позже назовет «зачатками интуиции». На пороге стоял высокий мужчина с лёгкой сединой и очень прямой спиной, а рядом с ним — мальчик.

Он был выше Тео и серьёзнее. Тёмные волосы, светлые глаза, взгляд — оценивающий, но не высокомерный. Он смотрел на мир так, будто уже знал, чего от него ждать.

— Это Кассиан, мой друг и твой крёстный, — сказал папа, и в его голосе было столько тепла, сколько Лея никогда раньше не слышала. — А это Дариан. Можно просто Дар.

— Дар, — повторила Лея шёпотом, пробуя имя на вкус. Оно было странным и красивым.

Мальчики тут же ушли смотреть отцовский кабинет и коллекцию боевых артефактов. Лея поплелась следом. Тео хвастался тренировочным мечом, Дар слушал молча, кивал. А потом обернулся и заметил её в дверях.

— Хочешь посмотреть? — спросил он.

Тео удивлённо моргнул. Лея, краснея, кивнула.

Дар протянул ей меч — не как игрушку маленькой девочке, а как равной.

— Держи крепче. И стойку шире.

Ей было шесть. Она не умела держать меч. Но она взяла его и попыталась.

Именно в этот момент всё и началось.

Последующие годы были наполнены Дарианом Арденом до краёв — так ей казалось. Каждое лето, каждый семейный ужин, каждый приезд Тео на каникулы с неизменным «Дар сегодня тоже придёт». Лея ждала этих моментов затаив дыхание, а потом проводила вечера, анализируя каждое его слово и жест.

Фрейя смеялась над ней. «Ты как лабораторная мышь, которая влюбилась в учёного, — говорила она. — Он на тебя смотрит, а ты уже диссертацию пишешь». Лея обижалась, но понимала: Фрейя права.

Самым позорным был случай в двенадцать лет. Она узнала, что Дар увлекается верховой ездой, и немедленно записалась в конюшни. Проблема была в том, что Лея боялась лошадей. Вернее, не самих лошадей, а того, что они такие большие и непредсказуемые. Но желание быть ближе к Дару перевесило страх.

На первом же занятии лошадь, почуяв её неуверенность, мягко, но решительно сбросила Лею в кучу сена. Она лежала, глядя в потолок конюшни, и мечтала провалиться сквозь землю. И именно в этот момент вошёл Дар.

— Тебе помочь? — спросил он, и в его голосе не было насмешки.

Лея хотела отказаться. Хотела гордо встать и сказать: «Я сама». Вместо этого она чихнула — сено набилось в нос.

Он помог ей подняться. Его рука была тёплой и твёрдой.

— В следующий раз не хватайся за повод, — сказал он. — Лошадь чувствует страх. Просто расслабься.

И ушёл. А Лея осталась стоять, красная как помидор, с сеном в волосах и влюблённостью в сердце.

Фрейя, узнав, хохотала полчаса.

Но всё изменилось три года назад.

Ей было четырнадцать. Ардены, как обычно, приехали на ужин. После десерта Лея поднялась на второй этаж — ей показалось, что она забыла заколку в гостиной, а вернулась другим путём, через малую лестницу. И замерла на ступеньках.

Внизу, в холле, стояли Тео и Дар. Они не видели её.

— ...вечно ходит за нами как хвостик, — говорил Тео. Он не злился, скорее устало. — Я понимаю, что она моя сестра, но иногда это слишком.

Дар молчал.

— Она же на тебя смотрит, — продолжал Тео. — Ты замечал?

И Дар ответил. Спокойно, негромко, но каждое слово врезалось в память:

— Замечал. Но она ребёнок, Тео. Это детское увлечение. Пройдёт.

— Может, сказать ей?

— Не надо. Пусть перерастёт сама. Незачем ранить ребёнка.

Ребёнок.

Лея стояла на лестнице и чувствовала, как горят щёки. Не от смущения. От стыда. От унижения. От понимания, что все эти годы она была для него — для них обоих — просто глупой маленькой девочкой, которая путалась под ногами и не понимала намёков.

Она не заплакала. Поднялась в свою комнату, села на кровать и долго смотрела в одну точку. А потом сделала то, что посчитала единственно правильным: перестала.

Перестала ждать его приездов. Перестала искать его глазами за столом. Перестала замирать при звуке его имени.

Она повзрослела за одну ночь. И поклялась себе, что больше никогда, никогда не будет тем «ребёнком», о котором говорят с такой снисходительной жалостью.

Море вздохнуло. Волна лизнула песок в сантиметре от её ног.

Лея встряхнула головой, прогоняя воспоминания. Прошло три года. Она уже не та девочка с сеном в волосах. Она — студентка академии, будущий мракоборец, и Дариан Арден может думать о ней всё, что угодно. Она докажет, что достойна быть здесь. Не ради него. Ради себя.

— Я так и думала, что ты здесь, — раздался голос за спиной.

Лея обернулась. Тётя Морвен стояла на краю пляжа, босая, в лёгком платье, с неизменной чашкой чая в руках. В закатном свете её волосы, тронутые серебром, отливали медью.

— Завтра в путь, — сказала тётя, присаживаясь рядом на песок. — Готова?

Лея кивнула.

— Боишься?

— Нет.

Морвен улыбнулась — той самой улыбкой, от которой хотелось говорить правду.

— Врёшь, — сказала она. — Но это хорошо. Страх — отличный учитель. Главное, чтобы не стал хозяином.

Она отпила чай и посмотрела на горизонт.

— Ты много думаешь о прошлом, Лея. Я чувствую это даже без ментального касания.

— Просто вспоминала, — Лея пожалала плечами. — Хорошее и плохое.

— И что из этого тяжелее?

Лея помолчала.

— Плохое. Но я справлюсь.

Морвен кивнула — той самой «неплохо»-кивком, который стоил больше любых слов.

— Ты сильнее, чем думаешь, — сказала она. — И слабее, чем хочешь казаться. Это нормально. Твоя сила — не в том, чтобы закрыться, а в том, чтобы знать, когда открываться. Но это ты поймёшь позже.

Она поднялась и протянула Лее руку.

— Пойдём. У меня ещё осталось абрикосовое варенье. А завтра — новый день.

Лея взяла её руку, тёплую и твёрдую, такую знакомую.

Завтра она вернётся домой. А послезавтра начнётся всё остальное: академия, испытание, новая жизнь. В которой Дариану Ардену придётся увидеть, кем она стала на самом деле.

Глава 2. Люминарис

Поезд прибыл в столицу в полдень.

Лея вышла на перрон, и горячий воздух Люминариса обнял её, словно старый друг. После солёного ветра Иль-Маре здесь пахло иначе — цветущим жасмином, тёплым камнем и едва уловимым озоном, какой бывает после летней грозы. Магия в столице ощущалась повсюду: в мягком свечении фонарей, которые никогда не гасли, в мерцающих вывесках, в самом воздухе, чуть звенящем от переплетения тысяч заклинаний.

Здание вокзала возвышалось перед ней — арка из белого мрамора, увитая живыми розами, которые цвели круглый год благодаря стараниям городских ботаников-магов. Над аркой парила надпись, выложенная золотыми буквами: «Люминарис приветствует вас».

Лея подхватила саквояж и направилась к выходу.

У тротуара её уже ждал семейный артефакт — изящная серебристая машина, которая парила в ладони над землёй, чуть покачиваясь, как лодка на воде. За рулём сидел Эдгар,

пожилой водитель, служивший в семье Рейнгольдов с тех пор, как Лея себя помнила. Он приподнял фуражку и улыбнулся:

— Добро пожаловать домой, мисс Лея.

— Здравствуй, Эдгар, — она улыбнулась в ответ и села на заднее сиденье. Артефамобиль мягко тронулся, бесшумно скользя над мощёной улицей.

Люминарис расстился перед ней, и Лея в который раз поймала себя на мысли, что этот город невозможно не любить.

Они ехали по проспекту Магов — широкой улице, обсаженной акациями и магнолиями. Дома здесь были из тёплого светлого камня, с большими окнами и коваными балконами, увитыми плющом и глицинией. Городские садовники-маги творили чудеса: цветы на клумбах меняли оттенки в зависимости от освещения, кроны деревьев складывались в причудливые арки, а кое-где прямо из мостовой били крошечные фонтанчики с танцующими струями.

По проспекту скользили артефамобили всех форм и размеров — от маленьких двухместных капсул до пассажирских платформ, похожих на автобусы, которые бесшумно плыли над землёй, перевозя десятки людей. На перекрёстках вместо светофоров висели магические сферы, вспыхивающие красным, жёлтым или зелёным.

Лея достала из кармана Вестник — небольшую пластину размером с ладонь с выгравированным в уголке серийным номером. Привычным движением она активировала пластину и написала номер Фрейи, а затем — короткое сообщение:

«Я в городе. Буду дома через полчаса. Увидимся сегодня?»

Ответ пришёл почти мгновенно. Буквы проступили на пластине, чуть светясь:

«НЕТ, Я РЕШИЛА СТАТЬ ОТШЕЛЬНИЦЕЙ И ЖИТЬ В ПЕЩЕРЕ. КОНЕЧНО УВИДИМСЯ, ДУРИЩЕ. ЖДУ ТЕБЯ ВЕЧЕРОМ У НАС. МАМА УЖЕ ПЕЧЁТ ПИРОГ».

Лея усмехнулась. Фрейя даже в письмах умудрялась быть громкой.

Она убрала Вестник и снова посмотрела в окно. Артефамобиль как раз выезжал на площадь Согласия — сердце Люминариса. Здесь в центре бил огромный фонтан Единства Пяти Стихий: пять струй — огненная (с настоящим пламенем, пляшущим над водой), водяная, воздушная (рассыпающаяся радужной пылью), природная (вьющаяся зелёными ростками) и энергетическая (мерцающая голубыми искрами). Вокруг фонтана на скамейках сидели горожане, дети кормили голубей, уличный музыкант играл на арфе, и струны под его пальцами светились.

За площадью начинался правительственный квартал — здания посольств, Министерство магии, Совет Магистров. А за ними, в стороне, виднелись шпили Академии Волшебных Искусств — пять башен, по одной на факультет.

Завтра она войдёт в одну из этих башен.

— Эдгар, давай через набережную, — попросила Лея. — Хочу ещё немного посмотреть.

— Как скажете, мисс.

Артефамобиль свернул к реке, и Лея откинулась на сиденье, глядя, как солнце играет в окнах домов. В Иль-Маре было тихо и спокойно. Здесь, в Люминарисе, кипела жизнь. Завтра начнётся её новая глава, и она напишет её сама.

Без оглядки на прошлое.

Почти без оглядки.

Артефамобиль остановился перед коваными воротами особняка Рейнгольдов, и Лея ещё не успела выйти, как парадная дверь распахнулась.

— ЛЕЯ!

Близнецы вылетели на крыльцо одновременно. Оливер и Оскар — десять лет, одинаковые вихры пшеничных волос и вечно сбитые коленки. Они бежали наперегонки, и Оливер, как обычно, оказался чуть быстрее.

— Ты привезла нам что-нибудь из Иль-Маре? — закричал Оскар, не отставая.

— Конечно привезла, — Лея присела на корточки и обняла обоих разом. От них пахло печеньем и летней травой. — Тётя Морвен передала вам по ракушечному амулету. Они светятся в темноте.

— КРУТО! — хором заорали близнецы и тут же умчались в дом — вероятно, проверять амулеты в самом тёмном чулане.

На пороге уже стояла мама. Элейна Рейнгольд была всё так же красива — высокая, с такими же светлыми волосами, как у дочери, собранными в мягкий узел. Глаза у неё были тёплые, целительские — она смотрела на Лею и видела не только дочь, но и пациента: не устала ли, не похудела ли, не нужен ли восстанавливающий отвар.

— Родная моя, — мама обняла её крепко, и Лея вдохнула знакомый аромат лаванды и мази от синяков. — Как добралась? Тётя не слишком тебя гоняла?

— Всё отлично, мам. Я в порядке. Лучше, чем в порядке.

— Ну конечно, — мама чуть отстранилась, провела ладонью по её щеке. — Совсем взрослая. Загорела только сильно. Морвен опять забыла, что существует защитное заклинание от солнца?

— Она говорит, что заклинание — это для слабаков.

— Узнаю свою золовку, — раздался голос отца.

Кассиан Рейнгольд вышел из кабинета. Высокий, широкоплечий, с военной выправкой, он выглядел лет на десять моложе своих сорока трёх. В домашней рубашке и без мантии он казался почти обычным человеком — если не замечать, как воздух вокруг него чуть колеблется от сдерживаемой магической силы.

— Мракоборец номер один в семье, — он улыбнулся и притянул Лею к себе. — Как успехи?

— Экзамены сдала. Ты знаешь.

— Знаю. Но хочу услышать от тебя.

— Сдала в первой пятёрке. Тётя говорит, что ментальный щит у меня почти взрослый.

— Почти — это не совсем, — отец подмигнул. — Но для семнадцати лет сойдёт.

— Кассиан, не дразни ребёнка, — мама шутливо толкнула его локтем. — Она только с дороги. Лея, ты, наверное, голодная? У нас обед через час. Тео должен вернуться с тренировки.

При имени брата сердце Леи чуть дрогнуло, но она улыбнулась:

— Я пока поднимусь к себе, разберу вещи.

— Иди, конечно. И переоденься, на тебе всё ещё песок Иль-Маре.

Лея поднялась по лестнице на второй этаж и толкнула дверь в свою комнату.

Она не изменилась — мама специально ничего не трогала, пока дочь была в отъезде. Просторная, светлая, с большим окном, выходящим в сад. Стены — тёплого кремового оттенка, высокий потолок с лепниной в виде дубовых листьев. У окна — письменный стол из тёмного дерева, на нём стопка книг по боевой магии и старый глобус, который папа подарил ей на десять лет. Глобус показывал не только страны, но и магические аномалии — маленькие мерцающие точки в разных уголках мира.

Кровать застелена покрывалом цвета морской волны — мама выбрала его, когда Лее было четырнадцать, сказав: «Ты же любишь море». Над кроватью висела карта Заповедного леса — старая, рисованная от руки, купленная в букинистической лавке.

На полках — книги, безделушки, привезённые из поездок: ракушка из Иль-Маре, камешек с отпечатком древнего растения, стеклянный шар с крошечной грозой внутри (подарок Фрейи). На стене — фотография в рамке: Лея, Фрейя, Тео и Дар, сделанная года три назад на одном из семейных пикников. Лея тогда ещё носила волосы заплетёнными в две косы. Она задержала на ней взгляд на секунду — и отвела глаза.

У противоположной стены стояло высокое зеркало в резной раме. Лея подошла к нему и остановилась, разглядывая себя.

За месяц в Иль-Маре она изменилась. Море и солнце сделали своё дело: кожа приобрела золотистый оттенок, светлые волосы выгорели прядями и теперь отливали медовым. Она собрала их в высокий хвост, но несколько прядей выбились — с дороги.

Она стала выше? Нет, скорее просто выпрямилась. Тётя Морвен всё лето заставляла её держать спину правильно, и теперь Лея видела результат: плечи расправлены, осанка ровная. Она была выше среднего роста, с изящной фигурой и хорошо очерченной талией — скакать по прибрежным скалам и плавать каждый день оказалось полезнее любых тренировок в зале. Длинные ноги, загорелые и сильные, казались ещё длиннее в короткой летней юбке.

Плавание в море творило чудеса с телом.

Она повернулась вполборота, разглядывая линию подбородка, шею, плечи. В зеркале стояла молодая женщина. Уже не подросток. Скулы стали чуть острее, взгляд — серьезнее. Глаза — светло-серые, отцовские — смотрели оценивающе.

«Я готова», — сказала она своему отражению. Отражение не ответило, но в глубине серых глаз блеснула искра.

Где-то внизу грохнула дверь, и голос Тео разнёсся по дому:

— ГДЕ МОЯ ЛЮБИМАЯ СЕСТРА?!

Лея улыбнулась, бросила последний взгляд на незнакомую-знакомую девушку в зеркале и пошла вниз.

Глава 3. Столкновение

— ГДЕ МОЯ ЛЮБИМАЯ СЕСТРА?!

Лея спустилась по лестнице и тут же попала в медвежьи объятия брата. Тео был на голову выше неё, широкоплечий, с вечно взлохмаченными русыми волосами и улыбкой, которая освещала комнату лучше любого заклинания.

— Осторожно, задушишь, — прохрипела Лея, но тут же обняла его в ответ. — Я тоже по тебе скучала.

— Похудела, — констатировал Тео, отстраняясь на расстояние вытянутой руки и разглядывая сестру. — И загорела. Тётя что, гоняла тебя по скалам?

— Каждое утро. А ещё медитации и ментальные тренировки.

— Жесть, — Тео поморщился. — Ментальная магия — это вообще не моё. Слишком тихо. Мне подавай что-нибудь, что взрывается.

— Ты безнадежен.

— Я мракоборец, сестрёнка. Это профессиональное.

Он обнял её за плечи и повёл в столовую, продолжая расспрашивать о тёте, о море, о поезде. Лея отвечала, смеялась, и тепло разливалось внутри — она и правда скучала. По Тео, по родителям, по дому. Даже по близнецам, которые сейчас носились вокруг обеденного стола с ракушечными амулетами и проверяли, светятся ли те под скатертью.

Ужин был долгим и шумным — таким, какими всегда были семейные ужины у Рейнгольдов. Мама расспрашивала о здоровье тёти, отец — о методах тренировок («Морвен всё ещё считает, что боль — лучший учитель?» — «Да, пап, и передавала тебе привет»). Близнецы наперебой требовали рассказов о морских чудовищах, а маленькая Элла требовала внимания и клубничного желе. Тео травил байки о втором курсе и о том, как они с Даром чуть не разнесли тренировочный полигон.

При упоминании Дара Лея аккуратно перевела разговор на другое. Никто не заметил. Она хорошо научилась это делать.

После чая — с лимонным пирогом, который мама пекла специально к её возвращению, — Лея поднялась из-за стола.

— Я к Фрейе, — сказала она. — Очень соскучилась.

— Передавай привет Лиссандре и Магнусу, — отозвалась мама. — И возвращайся не слишком поздно. Завтра важный день.

— Завтра сборы в академию! — заорал Оскар. — Лея идёт в академию!

— Ты тоже через семь лет пойдёшь, — напомнил отец. — Если перестанешь кидаться едой.

Оскар кинулся доедать пирог с образцовой аккуратностью. Оливер украл у него клубнику.

Лея накинула лёгкий жакет — вечера в Люминарисе были прохладными даже летом — и вышла за дверь, на ходу поправляя волосы. Мысли её были уже у Фрейи, у пирога и у разговора, который они не успели закончить вчера...

И врезалась прямо в того, кого меньше всего ожидала увидеть.

— Ой! — она пошатнулась, теряя равновесие на каблуках, но сильные руки уже подхватили её, удержали, не дав упасть.

— Снова без тормозов, Рейнгольд.

Лея замерла. Этот голос. Эта ирония. Она подняла глаза и встретилась взглядом с Дарианом Арденом.

Он стоял на крыльце, придерживая её за локти. От него пахло вечерним воздухом, чем-то древесным и совсем чуть-чуть — озоном, как всегда бывало после тренировок с боевыми заклинаниями. Тёмная куртка, небрежно расстёгнутая рубашка, волосы чуть влажные после душа. И глаза — светло-серые, почти стальные, — смотрели на неё сверху вниз с каким-то новым, непонятным выражением.

— Я не... я просто... — Лея отступила на шаг, высвобождаясь. — Ты что здесь делаешь?

— Вообще-то я тут часто бываю, если ты не заметила, — он сунул руки в карманы и прислонился плечом к дверному косяку. — Мы с Тео идём на вечеринку. Старый артефакторский клуб. Слышала?

— Слышала, — она постаралась, чтобы голос звучал ровно. — Хорошей вечеринки.

Она шагнула в сторону, намереваясь обойти его, но Дар не двинулся с места. Пришлось остановиться, едва не задев его плечом.

— А ты куда?

— К Фрейе.

— Пирог есть?

Лея моргнула.

— Откуда ты знаешь про пирог?

— Тео рассказывал, что вы с ней после каждой разлуки устраиваете ритуальное поедание пирога. Кажется, он даже немного ревнует.

— Глупости, — Лея фыркнула. — Он просто сам хочет пирога. И Тео вообще много чего рассказывает...

— Рассказывает, — согласился Дар. — Но не всё.

Повисла пауза. Лея чувствовала, как горят щёки, и молилась про себя, чтобы в сумерках это было не так заметно. Молчание затягивалось, становясь неловким, и она уже готова была сбежать — просто обойти его и уйти, — когда он заговорил снова.

— Ты изменилась.

— Мне уже говорили это кажется.

— Потому что это правда, — он пожал плечами. — Раньше ты бы уже убежала.

— Я не бегаяю. Я хожу. Быстро.

— Ага. Быстро.

Лея заметила, что он улыбнулся — не той вежливой улыбкой, какой улыбаются знакомым на улице, а настоящей, уголком рта, с искоркой в глазах. Так он улыбался редко. Так он улыбался, когда дурачился с Тео. Или когда разговаривал с матерью.

Сердце пропустило удар. Лея мысленно приказала ему заткнуться.

— Слушай, — сказал Дар, чуть наклонив голову. — Приходите с Фрейей.

— Куда?

— На вечеринку.

— Мы не собирались...

— Вот и начните собираться, — перебил он. — Там будет весь второй курс, половина первокурсников, которые уже в городе. Познакомьтесь с людьми до начала учёбы. Будет весело.

— Я там никого не знаю.

— Будешь знать, — он сказал это так просто, будто речь шла о чём-то очевидном. — Тео будет. Я буду. Кайл Морган придёт, он громкий, но в целом ничего. Илана Вейс, если ты её помнишь по школе. Джаспер Флинт обещал показать какой-то прототип, который, по его словам, «изменит мир», хотя, судя по тому, как он нервничал, прототип пока только меняет цвет в зависимости от настроения. Кора Линд будет сидеть в углу и всем говорить, что они всё делают неправильно. В общем, — он посмотрел ей прямо в глаза, — будет не скучно.

Лея поймала себя на том, что слушает его, чуть приоткрыв рот. Он никогда не говорил с ней так много и так... легко? Словно она была не младшей сестрой Тео, а кем-то, с кем можно просто болтать.

— Не знаю, — сказала она, отводя взгляд. — Мы с Фрейей вообще-то планировали спокойный вечер.

— Спокойный вечер, — повторил Дар с таким выражением, будто пробовал эти слова на вкус и они ему не нравились. — Лея, завтра начинается академия. Три года тренировок, экзаменов, Испытания. Спокойных вечеров будет ровно столько, сколько ты себе позволишь. А эта вечеринка — последняя свободная ночь перед тем, как всё завертится.

— Ты говоришь как мой брат.

— Обижает, — он прижал руку к груди в притворном возмущении. — Я гораздо убедительнее.

— Ни капли.

— Тогда почему ты всё ещё здесь, а не ушла к Фрейе?

Лея открыла рот — и закрыла. Крыть было нечем. Она действительно стояла и спорила с ним вместо того, чтобы просто уйти. И он это заметил.

— Ладно, — сказала она медленно. — Где это?

— Переулок Грёз. Старое здание бывшей фабрики магических чернил. Не ошибёшься — у входа будет висеть гирлянда из светящихся склянок.

— Склянок?

— Традиция артефакторов. Они всё меряют склянками.

Лея невольно улыбнулась.

— Хорошо. Мы придём. Но только ненадолго.

— Конечно, — кивнул Дар. — Ненадолго. Только познакомьтесь с людьми. И всё.

Она прищурилась.

— Почему ты так хочешь, чтобы мы пришли?

Вопрос повис в воздухе. Дар помолчал, глядя на неё. Сумерки сгустились, и в свете магического фонаря над крыльцом его лицо казалось наполовину освещённым, наполовину в тени.

— Потому что Тео будет скучать без тебя, — сказал он наконец. — А я буду скучать без Тео. Это цепная реакция. Не нарушай экосистему.

— Ты невыносим.

— Я знаю, — он улыбнулся. — Так мы договорились?

— Договорились, — Лея поправила жакет на плечах. — Мы выходим через полчаса.

Встретимся у входа.

— Я запомню. Полчаса. Не опаздывай, Рейнгольд.

— Я никогда не опаздываю, Арден.

— Ага, — он отступил на шаг, пропуская её. — Кроме того случая в восемь лет, когда ты проспала собственный день рождения.

— Откуда ты... Тео!!!

— Не сваливай на брата, — Дар уже открыл дверь. — У меня отличная память. Через полчаса, Рейнгольд. У входа.

И скрылся в доме, оставив Лею стоять на крыльце с открытым ртом и полным ощущением, что её только что переиграли на её же поле.

Она глубоко вдохнула, выдохнула и зашагала по дорожке к воротам. Шаги были ровными, уверенными, хотя внутри всё дрожало. Она не бежала за ним. Не искала его глазами. Не красилась специально к его приходу. Он сам позвал её. И она согласилась не ради него — ради себя.

Но где-то глубоко внутри, там, куда она запретила себе заглядывать, тоненький голосок шепнул: «Он помнит твой день рождения в восемь лет. Он помнит».

И от этого голоса становилось тепло и страшно одновременно.

«Взрослеешь, Рейнгольд», — сказала она себе и ускорила шаг.

Впереди ждал особняк Рейвенхольтов, пирог, Фрейя и — судя по всему — совершенно неожиданный вечер.

Глава 4. Вечеринка

Лея почти бежала по вечерней улице, на ходу доставая Вестник. Пальцы дрожали — то ли от быстрой ходьбы, то ли от того, что Дариан Арден только что пригласил её на вечеринку и она согласилась. Она набрала номер Фрейи и быстро нацарапала:

«Пирог отменяется. Мы идём на вечеринку. Артефакторский клуб, переулок Грёз. Я уже иду к тебе. Расскажу по дороге».

Ответ пришёл раньше, чем она успела убрать пластину в карман:

«ЧТО??? ТЫ И ВЕЧЕРИНКА В ОДНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ??? ЛЕЯ РЕЙНГОЛЬД, ТЫ ЛИ ЭТО??? ЖДУ У ВОРОТ. И ПОПРОБУЙ ТОЛЬКО НЕ РАССКАЗАТЬ ВСЁ НЕМЕДЛЕННО».

Лея усмехнулась и прибавила шаг.

Особняк Рейвенхольтов стоял в тихом переулке, увитом плющом. Фрейя уже ждала у ворот — рыжие волосы рассыпаны по плечам, в руке маленький клатч, расшитый рунами. Она сияла так, будто её только что объявили главным артефактором столетия.

— Ну? — она схватила Лею за руку и потащила по улице, не давая опомниться. — Рассказывай. Быстро. Кто? Когда? Почему я узнаю об этом только сейчас?

— Дар, — выдохнула Лея. — Он пришёл за Тео, а я как раз выходила. Мы столкнулись на крыльце. В прямом смысле столкнулись. Он меня поймал. А потом сказал: «Приходите с Фрейей».

— Поймал? — Фрейя остановилась и развернулась к ней. — Что значит «поймал»?

— Я споткнулась. Он подхватил. Ничего особенного.

— Ничего особенного! — Фрейя воздела руки к небу. — Ты споткнулась, он тебя поймал, а через минуту пригласил на вечеринку, и ты говоришь «ничего особенного»?!

— Я сказала, что никого там не знаю. А он сказал: «Будешь знать». И перечислил кучу имён.

— Кучу имён? Он что, уговаривал тебя?

— Немного.

— О-о-о! — Фрейя схватилась за сердце. — Дариан Арден уговаривал Лею Рейнгольд пойти на вечеринку. Я дожила до этого дня.

— Прекрати.

— И не подумаю. Рассказывай дальше. Что ещё он сказал?

Лея замялась.

— Он сказал, что я изменилась. И что он помнит, как я в восемь лет проспала собственный день рождения.

Фрейя замерла. Потом медленно, очень медленно повернулась к подруге.

— Он помнит твой день рождения. В восемь лет.

— У него отличная память, он сам так сказал.

— Лея, — голос Фрейи стал непривычно серьёзным. — У людей не бывает «отличной памяти» на дни рождения младших сестёр друзей. Это называется по-другому.

— И как же?

— Я пока не знаю, — призналась Фрейя. — Но я узнаю. Сегодня. На вечеринке. А теперь идём быстрее, они нас ждут.

И она потащила Лею дальше, не слушая возражений.

---

Старый артефакторский клуб располагался в подвальном этаже здания, которое когда-то было фабрикой магических чернил. Само здание ничем не выделялось среди соседних — потускневшая вывеска, старые окна, заложенные кирпичом, — но у входа, как и обещал Дар, висела гирлянда из светящихся склянок. Десятки маленьких стеклянных флаконов, внутри которых пульсировал разноцветный свет — зелёный, синий, золотой, — покачивались на невидимых нитях, и от этого весь переулок казался волшебным.

— Ого, — выдохнула Фрейя. — Скляночная гирлянда. Классика. Родители рассказывали.

У входа стояли Тео и Дар.

Тео — в расстёгнутой рубашке, волосы в художественном беспорядке, — махал им рукой так, будто они не виделись по меньшей мере год.

— Ну наконец-то! — закричал он. — Я думал, вы никогда не дойдёте!

— Мы шли ровно двадцать восемь минут, — сообщила Лея, подходя ближе. — Мы даже не опоздали.

— Двадцать девять, — поправил Дар, и в его голосе слышалась усмешка. — Но я засчитаю это как «вовремя».

Он стоял, прислонившись к стене, всё в той же тёмной куртке. Свет склянок отражался в его глазах, и Лея не могла понять, какого они сейчас цвета — серые или с голубизной.

— Привет, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Привет, — ответил он. — Добрались без приключений?

— Только если не считать Фрейю, которая чуть не сбила старушку, пока тащила меня через весь город.

— Старушка сама виновата! — возмутилась Фрейя. — Она шла слишком медленно! И вообще, Тео, привет.

— Привет, Рейвенхольт, — Тео подмигнул ей. — Готова к лучшей вечеринке лета?

— Я готова к пирогу, но раз пирог отменился, пусть будет вечеринка.

— Пирог? — переспросил Дар, поднимая бровь.

— Ритуальный пирог, — пояснила Фрейя. — Мы с Леей едим его после каждой разлуки.

Это святое.

— Но вы променяли святое на нас, — заметил Дар, переводя взгляд на Лею. — Я польщён.

— Не особо старайся, — ответила она быстрее, чем подумала.

Тео расхохотался.

— Брат, она тебя уела.

— Я заметил, — Дар не сводил глаз с Леи, и в его улыбке было что-то новое — не снисходительное, не взрослое. Скорее... оценивающее? Он смотрел на неё так, будто впервые видел.

— Ладно, — Тео хлопнул в ладоши. — Раз все в сборе, предлагаю спуститься вниз, пока Джаспер и Кора не начали дуэль на прототипах без зрителей.

— Они опять спорят? — спросила Лея.

— Они всегда спорят. Вчера чуть не разнесли барную стойку, пока доказывали друг другу, чей стабилизатор лучше. Бармен сказал, что если это повторится, он их заколдует в пробки.

— В пробки? — Фрейя прыснула. — Это как?

— Не знаю, но звучало угрожающе, — Тео пожал плечами. — Ладно, идём.

Он первым шагнул к лестнице и начал спускаться. Фрейя — за ним. Лея хотела пойти следом, но Дар чуть задержал её, коснувшись локтя — легко, едва ощутимо.

— Рад, что ты пришла, — сказал он негромко.

Она обернулась. Он стоял вполоборота, и гирлянда из склянок бросала золотые отблески на его лицо.

— Я тоже, — сказала Лея, и сама удивилась тому, что это почти правда.

Он кивнул и пошёл вниз. Лея — за ним.

Внутри было шумно, душно и прекрасно. Высокие сводчатые потолки терялись в полумраке. Кирпичные стены увивали светящиеся гирлянды, которые пульсировали в такт музыке. Под потолком парили стеклянные шары с механическими птицами внутри. Старый зачарованный граммофон выводил быструю мелодию.

Но Лея едва замечала всё это. Ей всё ещё казалось, что она чувствует тепло его пальцев на своём локте.

— Рейнгольд! Рейвенхольт! — раздался голос, и к ним пробрался Лиам Донован, с которым они учились в школе. — Вы всё-таки пришли! Лея, ты... выглядишь иначе.

— Я загорела.

— Нет, серьёзно. Ты как-то... повзрослела, что ли? — он склонил голову набок. — Круто выглядишь. Обе.

— Спасибо, Лиам, — улыбнулась Фрейя. — Ты тоже ничего.

— А где вы пропадали всё лето? Я думал, ты, — он ткнул пальцем в Лею, — будешь сидеть дома и готовиться к академии.

— Я была у тёти. У моря.

— У моря! Повезло. А я всё лето помогал отцу в лавке. Скука смертная. — Он взял с подноса бутылку сливочного пива. — Ладно, пойду поздороваюсь с Иланой. Увидимся!

И он скрылся в толпе.

Лея оглядела зал. Народу набилось столько, что воздух стал густым и сладким. Пахло духами, пивом, магической пылью от чьих-то тренировочных заклинаний. Она заметила знакомых: Кайл Морган громко спорил с кем-то у барной стойки. Илана Вейс сидела на диване с Тобиасом Марчем. Джаспер и Кора оккупировали угол и что-то чертили на салфетке. Поодаль стоял Финн Блэквуд с бокалом, а рядом с ним Нисса Торн что-то оживлённо рассказывала, заплетая косичку на ходу.

— Пойду поздороваюсь с Корой, — сказала Фрейя, и в этот момент Лея увидела Дара.

Он стоял недалеко от входа — видимо, его перехватили сразу после спуска. Рядом с ним была девушка. Та самая.

Тёмные волосы волнами ниже плеч, точёные скулы, большие глаза цвета тёмного янтаря. Тёмно-зелёное платье с открытыми плечами. Длинные пальцы, которые она положила Дару на плечо.

— Лея, — сказала Фрейя, проследив за её взглядом. — О нет.

— Всё нормально.

Девушка наклонилась и сказала что-то Дару на ухо — так близко, что её волосы коснулись его щеки. Он выслушал — и улыбнулся. Той самой улыбкой. Уголок рта дрогнул, в глазах мелькнул интерес.

— Кажется, это та самая первокурсница, о которой говорил Лиам, — пробормотала Фрейя. — Селена, кажется. Селена Вейн.

Девушка рассмеялась — серебристо, переливчато — и взяла Дара под руку. И он не отстранился.

— Пойду возьму что-нибудь выпить, — сказала Лея.

Она развернулась и пошла к барной стойке. Шаг — ровный. Спина — прямая. Лицо — спокойное. Всё, чему учила тётя Морвен, пригодилось именно сейчас. Не показывать. Не выдавать. Держать ментальный щит.

— Огненный имбирный, — сказала она бармену. — Двойной.

Бармен молча кивнул и принялся смешивать. Лея стояла, облокотившись на стойку, и смотрела прямо перед собой.

— Ты в порядке? — Фрейя материализовалась рядом.

— В полном.

— Ты заказала двойной имбирный. Ты никогда не пьёшь двойной имбирный. Ты вообще его терпеть не можешь, ты говорила, что он похож на микстуру от кашля.

— Значит, сегодня мне нравится микстура от кашля, — Лея взяла бокал и сделала большой глоток. Напиток обжёг горло, но, по крайней мере, отвлек её от другого жжения — где-то в груди.

— Ладно, — Фрейя взяла её под руку. — Давай найдём Тео и пойдём танцевать. Если ты будешь стоять здесь и пить микстуру, ты только сильнее разозлишься.

— Я не злюсь.

— Конечно. А я не рыжая.

Лея не выдержала и улыбнулась.

Втроем — Лея, Фрейя и Тео — они заняли угол танцпола. Музыка сменилась на что-то быстрое и ритмичное. Тео танцевал ужасно и абсолютно счастливо. Фрейя пыталась его перетанцевать и при этом не уронить клатч. Лея просто двигалась в такт, позволяя музыке вытеснить мысли.

Во время одной из песен Тео наклонился к ней и проорал сквозь музыку:

— Эй! Ты чего заказала двойной имбирный? Ты же его ненавидишь!

— Уже нет! — проорала Лея в ответ. Напиток принес неожиданно приятное послевкусие, тепло в груди и легкое головокружение.

Тео посмотрел на неё долгим взглядом, потом на барную стойку, потом на танцпол, где его лучший друг танцевал с темноволосой девушкой. Что-то в его голове щёлкнуло.

— О! — сказал он. — О-о-о.

— Что «о»? — спросила Лея подозрительно.

— Ничего! Никаких «о»! Танцуем дальше!

И он закружил её так быстро, что Лея забыла обо всём на пару минут.

Позже, когда они отошли передохнуть, Фрейя спросила:

— Ну и о чём ты думаешь?

— О том, что он имеет право танцевать с кем хочет, — ответила Лея, глядя в свой опустевший бокал. — Мы даже не друзья толком. Просто знакомые.

— Ага. Просто знакомые, которые помнят твой день рождения в восемь лет.

— У него отличная память.

— У него отличная... — Фрейя закатила глаза. — Ладно. Будем считать, что я поверила.

К ним подошёл Тео с новой бутылкой сливочного пива. Он уже понял, что происходит, и теперь смотрел на сестру с чуть виноватым видом.

— Если хочешь, мы можем пойти домой, — предложил он. — Я скажу Дару, что ты устала.

— Нет, — Лея покачала головой. — Не надо.

— Лея...

— Тео, правда. Всё хорошо. Я просто... привыкаю. К новому.

Он кивнул, но было видно, что не поверил.

Они ещё немного потанцевали, выпили по бутылке сливочного пива, посмеялись над тем, как Джаспер и Кора чуть не разнесли барную стойку. Но когда музыка сменилась на медленную, Лея увидела Дара и Селену в центре зала. Она положила руку ему на плечо, он держал её за талию — легко, как того требовал танец. Ничего больше. Но Лее этого хватило.

— Я домой, — сказала Лея.

— Я с тобой, — тут же отозвалась Фрейя.

— Не надо.

— Надо, Рейнгольд. Пирог сам себя не съест.

Лея посмотрела на подругу и вдруг почувствовала, как защипало в глазах. Фрейя всё понимала. Всегда понимала.

Они попрощались с ребятами, Тео пошел их провожать. Уже на ступеньках Лея остановилась. Фрейя и Тео переглянулись за её спиной.

— Что? — спросила Фрейя.

— Ничего, — Лея покачала головой. — Просто вспомнила... вся эта вечеринка, склянки над входом, старые кирпичные стены, музыка... море было совсем другим. Тихое. Спокойное. — Она усмехнулась. — Тётя Морвен сказала бы, что я слишком много думаю и слишком мало танцую.

— Тётя Морвен — мудрая женщина, — кивнула Фрейя.

— Тётя Морвен пугает меня до сих пор, — признался Тео.

На улице было прохладно. Ветер пах осенью, хотя до осени оставался ещё месяц. Из внутреннего дворика доносился смех, кто-то запускал в небо магические фонарики — они медленно поднимались в темноту, крошечные точки света, тающие среди звёзд. Фрейя взяла Лею под руку, и они пошли по пустующим улицам Люминариса. Тео остался стоять у входа, провожая их взглядом.

— Знаешь что, — сказала Фрейя, когда они отошли на достаточное расстояние. — Эта девица ему не понравится.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что она цепляется, — Фрейя пожала плечами. — А он не любит, когда цепляются. Ему нравятся те, кто сам по себе. Ты сама по себе. А она как... как патока.

— Патока?

— Ну да. Сладкая, липкая и слишком густая, чтобы от неё можно было легко избавиться. Лея прыснула.

— Ты ужасный человек, Фрейя Рейвенхолт.

— Я честный человек. И лучшая подруга. А теперь пойдём есть пирог. Мама положила в него шоколад. Много шоколада.

— И шоколад всё исправит?

— Шоколад исправит всё, что не исправила я. А я исправила почти всё. Так что к утру ты будешь как новенькая.

И они пошли есть пирог. И ночь была тёплой, и завтра должна была начаться новая жизнь. Но в груди у Леи всё ещё саднило — маленькой, глупой занозой, которую она поклялась вытащить. Завтра. Или послезавтра. Или никогда.

Глава 5. Утро нового дня

Лея проснулась на диване в гостиной Рейвенхолтов, укрытая пледом с вышитыми рунами. В окно лился бледный утренний свет. Фрейя спала рядом, свернувшись калачиком в кресле, всё ещё в вечернем платье, с крошкой от пирога на щеке.

Они проговорили почти до рассвета. Обо всём. О Даре, о Тео, о том, что Фрейя боится не оправдать ожиданий родителей, а Лея — повторить ошибки прошлого. О том, как странно быть взрослыми, когда внутри ты всё ещё та же девчонка, которая когда-то свалилась в сено.

Лея улыбнулась, глядя на спящую подругу. Фрейя даже во сне хмурилась — наверняка придумывала новое заклинание.

Тихо, чтобы не разбудить, Лея нацарапала на клочке бумаги:

«Спасибо за пирог и за всё. Ушла домой — надо выспаться в своей кровати хотя бы пару часов. Увидимся завтра. Церемония открытия! P.S. У тебя крошка на щеке».

Она оставила записку на столе, накинула жакет и выскользнула за дверь.

Утренний Люминарис был тих и прозрачен. Улицы ещё не проснулись — только редкие артефактобили проплывали над мостовой, да где-то вдалеке перезванивались колокола магической башни. Лея шла быстро, вдыхая прохладный воздух, и чувствовала, как усталость отступает. Тётя Морвен говорила: «Движение лечит всё, кроме переломов. Переломы лечит магкостоправ». Она была права.

Дома было тихо. Все ещё спали после вчерашнего — даже близнецы, которые обычно вскакивали с рассветом. Лея бесшумно поднялась в свою комнату, сбросила вчерашнюю одежду и встала под горячий душ.

Вода смывала остатки вечеринки — запах сливочного пива, чужих духов, ревности. Лея стояла, закрыв глаза, и представляла, как всё плохое утекает вместе с водой. Ментальная техника, которой научила её тётя. Работала не идеально, но лучше, чем ничего.

После душа — зарядка. Пятьдесят приседаний, растяжка, упражнения для спины, которые вбил в неё отец. Потом пробежка вокруг квартала. Она бежала по знакомым улицам, мимо дома Арденов (не смотреть на окна, не смотреть на окна), мимо старой булочной, где пахло свежим хлебом, мимо парка с фонтаном. Тело работало как отлаженный механизм, мысли прояснялись. К тому моменту, как она вернулась домой, вчерашняя обида сжалась до маленького тёплого шарика где-то глубоко внутри — уже не болезненного, просто... присутствующего.

Она как раз поднималась на крыльцо, когда дверь распахнулась, и на пороге возникла мама — уже одетая, причёсанная, с блеском в глазах.

— Отлично, ты уже на ногах! Переодевайся, мы едем в Торговый квартал.

— Мам, ещё только девять утра.

— Именно! К десяти там будут толпы. Мы должны успеть первыми. Мантии, перчатки, обувь, письменные принадлежности, новый рюкзак — и не спорь, тот, что у тебя, держится на честном слове и одном заклинании.

Лея вздохнула, но спорить не стала.

Завтрак прошёл быстро. Близнецы обсуждали, у кого круче ранец для школы, у Оскара был с драконом, Оливер настаивал, что драконы это прошлый век и круче гоночного мобиля ничего нет, но Оскар не хотел уступать. Элла требовала, чтобы Лея взяла её с собой в академию. Тео, который выглядел чуть помятым после вечеринки, пил кофе и загадочно молчал, явно вспоминая что-то, наверное связанное с девушками.

После завтрака мама взяла её под руку и объявила:

— Мы едем в Торговый квартал. Тебе нужно платье для церемоний. И форма академии. И перчатки для боевой магии. И...

— Мам, только давай без фанатизма.

— О чем это ты, мы просто мы просто прикупим немного полезных и нужных вещей. Ты же теперь первокурсница Академии волшебных искусств! — отмахнулась Элейна. — Это очень важно. Поверь мне.

Торговый квартал Люминариса находился в самом центре, и в этот день он гудел как улей. Семьи со всего Илюзиона съехались за покупками перед началом учебного года. Витрины сияли: мантии всех цветов и фасонов, волшебные аксессуары, книги, артефакты, новейшие модели Вестников от мастерской Рейвенхолт.

Лея и мама шли по мостовой, и Элейна щурилась на вывески с видом опытного стратега.

— Начнём с формы. Потом — перчатки. Потом — обувь, но не раньше, чем выпьем чаю в «Золотой чашке».

— Мам, ты планируешь шопинг как военную операцию.

— Шопинг и есть военная операция, — усмехнулась мама. — Особенно за день до начала учебного года. Видишь ту очередь? Это в «Мантии и манжеты». Лучшее место. Мы пойдём туда первыми.

Ателье «Мантии и манжеты» располагалось в старинном здании с витриной, полной бархата и шёлка. Внутри пахло тканью, магическими пропитками и чем-то цветочным. Портниха — худая женщина с серебряным напёрстком на пальце — тут же усадила Лею на подиум и принялась обмерять.

— Факультет? — спросила она деловито.

— Мракоборец.

— Отлично. Повседневный вариант с юбкой и комплект для занятий по боевой подготовке, и конечно спортивная форма. Советую брать несколько вариантов каждого комплекта, особенно для мракоборцев. Эластичные ткани, натуральный состав, не сковывает движения и не дает излишний эээ парниковый эффект. И укороченный крой для мобильности. Боевая магия не терпит длинных подолов.

Лея стояла, раскинув руки, пока вокруг неё порхали сантиметровые ленты — они летали сами, записывая мерки в воздух. Через пятнадцать минут перед ней положили три варианта формы по два комплекта. Они взяли все, форма сидела как влитая — выгодно подчеркивала что требовалось и была комфортная к тому, повседневная с красивой серебряной оторочкой по вороту и манжетам.

— Идеально, — кивнула мама. — Теперь перчатки.

В «Боевом арсенале» — магазине для мракоборцев — пахло кожей и озоном от тестовых стендов. Лея выбрала перчатки из драконьей кожи: тонкие, но прочные, с вшитыми рунами усиления хвата. Продавец — бывший мракоборец с седым шрамом через всю щёку — одобритительно кивнул:

— Хороший выбор, мисс. Драконья кожа не горит и не промокает. Прослужит весь курс.

Мама также настояла на новой паре сапог и обуви для занятий по физической подготовке («старые ещё ничего, но академия — это академия»), наборе письменных принадлежностей с самопишущим пером и новом рюкзаке с пространственным расширением.

К полудню Лея чувствовала, что ноги гудят, а руки заняты пакетами. Но мама была неумолима: финальный пункт — чай в «Золотой чашке».

Кафе было маленьким и уютным, с витражными окнами и живыми цветами на каждом столике. Они сели у окна, заказали чай с мятой и эклеры, и мама наконец перестала быть «стратегом шопинга» и стала просто мамой.

— Волнуешься? — спросила она, помешивая чай.

— Немного, — призналась Лея. — Но скорее... предвкушаю. Хочется уже начать.

— Помню свой первый день в академии, — Элейна улыбнулась. — Я так боялась, что дрожали руки. А потом увидела раненого зверька на практике — и забыла обо всём. Когда ты занимаешься своим делом, страх уходит.

— Тётя Морвен говорит, что страх — отличный учитель.

— Тётя Морвен любит пугать учеников, — мама фыркнула. — Но в чём-то она права. Просто не позволяй страху принимать решения за тебя.

Лея кивнула и откусила эклер. За окном проплыл пассажирский артефамобиль, полный таких же, как она, — с пакетами покупок и взволнованными лицами.

— Мам... — она замялась. — Как ты поняла, что папа — тот самый?

Элейна подняла бровь. Улыбнулась уголком губ — понимающей, тёплой улыбкой.

— Я не поняла. Я почувствовала. А потом мы чуть не разругались на первом курсе из-за дурацкого спора о лечебных зельях, и он пытался доказать мне что-то, размахивая руками, и разбил колбу с экстрактом мандрагоры. Вся лаборатория пропахла на неделю.

Лея рассмеялась.

— И ты всё равно вышла за него?

— Именно поэтому, — мамины глаза лукаво блеснули. — Когда человек готов спорить с тобой до хрипоты, но при этом смотрит на тебя так, будто ты — единственный источник света в комнате... это стоит заметить.

Лея задумалась. Перед глазами мелькнуло лицо Дара. Хотелось бы и ей так, чтобы на ее чувства, ответили взаимностью. Может стоит найти того, кто заметит, оценит ее по достоинству. Хватит висеть в детских воспоминаниях.

Она тряхнула головой и допила чай.

Домой они вернулись только вечером, нагруженные пакетами и проголодавшиеся. Поужинали и Лея ушла разбирать покупки в свою комнату. Она начала собирать чемоданы в академию, когда в дверь постучали.

— Войдите.

На пороге стоял Тео. Взлохмаченный, с отпечатком подушки на щеке, в мятой футболке. Он шурился от яркого света и выглядел так, будто только что выбрался из-под одеяла после долгой спячки.

— Привет, — сказал он хрипло. — Ты давно встала?

— Я встала в шесть утра, сделала зарядку, пробежку и съездила с мамой за покупками.

Тео посмотрел на неё с искренним ужасом.

— Во сколько же ты легла?

— Поздно, — Лея пожала плечами. — Но я привыкла вставать рано.

— Морвен? — понимающе кивнул Тео.

— Морвен.

Он прошёл в комнату и плюхнулся на стул, вытянув ноги.

— А я только проснулся. Ничего не помню после того, как Кайл начал учить всех эрдарийскому танцу.

— Какому танцу?

— Лучше тебе не знать, — Тео поморщился. — Там надо топтать ногами и хлопать себя по бокам. Кайл сказал, что это древняя традиция. Мне кажется, он всё выдумал.

Лея усмехнулась и вернулась к разбору покупок.

— А вы с Фрейей чего так рано ушли? — спросил Тео. — Я думал, вы до конца остаетесь.

— Я просто устала, я же же дороги, а Фрейя за компанию. — Лея пожала плечами. — Долгий день был. Да и сегодня дел много было запланировано.

— Ну да, — Тео кивнул. — Ты говорила.

— Угу. Форма, перчатки, обувь, всё такое.

— И как?

— Нормально. Мама, как всегда, превратила это в военную операцию.

— О да, — Тео усмехнулся. — Помню свой первый курс. Она заставила меня мерить пять пиджаков. Пять! А они все одинаковые!

— Со мной было четыре, — Лея улыбнулась. — Видимо, прогресс.

Повисла короткая пауза. Тео почесал затылок.

— Слушай... я хотел спросить. У тебя всё в порядке?

— В порядке, — Лея посмотрела на него спокойно. — А что?

— Не знаю. Просто... — он замялся. — Ты какая-то необычная была вчера. Я подумал, может, что-то случилось.

— Ничего не случилось, — Лея покачала головой. — Правда. Просто устала. Месяц у моря, потом поезд, потом сразу вечеринка. Слишком много всего сразу.

Тео посмотрел на неё долгим взглядом. Лея знала этот взгляд — он смотрел так, когда не верил, но не хотел давить.

— Ладно, — сказал он наконец. — Но если что — ты знаешь, я всегда рядом.

— Знаю.

— И Фрейя рядом. Она хорошая.

— Очень хорошая, — согласилась Лея.

— Кстати, о Фрейе, — Тео вдруг стал слегка розовым, хотя пытался это скрыть. — Она... э-э-э... ничего не говорила про меня?

Лея подняла бровь.

— А что она должна была сказать?

— Да так. Просто. Мы вчера немного поболтали, пока вы с Корой обсуждали руны. Она смеялась над моими шутками.

— Фрейя смеётся над всеми твоими шутками, Тео. Ты просто раньше не замечал.

— Правда? — он оживился. — То есть... ну, я не то чтобы... В общем, неважно. — Он махнул рукой и поднялся. — Ладно, пойду завтракать. Или обедать. Или что там сейчас по расписанию.

— Ты хороший брат, — сказала Лея ему в спину.

Он обернулся на мгновение и подмигнул.

— Я знаю.

И вышел.

Лея осталась сидеть на кровати. Она смотрела на закрытую дверь и думала о том, что Тео, кажется, начал замечать Фрейю. И о том, что он не стал спрашивать дальше. И о том, что это, наверное, и есть взросление — когда тебя не заставляют говорить, а просто дают знать, что ты не одна.

Она аккуратно сложила оставшиеся вещи, повесила пиджак на плечики, разложила юбку и жилет на кровати и села у окна. За стеклом клонило к вечеру. Где-то в городе люди готовились к завтрашнему дню, собирали вещи, волновались — так же, как она.

Она улыбнулась и закрыла глаза.

Решила написать Фрейе перед тем, как лечь спать:

«Завтра. Встречаемся в общежитии в нашей комнате? Папа сказал, что мы будем жить вместе.»

**«ДА. Я УЖЕ НЕ СПЛЮ ТРЕТИЙ ДЕНЬ. МАГНУС ГОВОРIT ЧТО Я ВЗОРВУ МАСТЕРСКУЮ ОТ НЕТЕРПЕНИЯ. ДО ЗАВТРА».**

Лея улыбнулась, отложила Вестник и легла в кровать.

Завтра — академия. Завтра — новый мир. Завтра она наденет серый пиджак с эмблемой мракоборцев и войдёт в двери, которые изменят всё.

Глава 6. Начало

Утро выдалось солнечным и по-осеннему прозрачным — будто сама природа решила, что сегодняшний день заслуживает идеальной погоды.

Лея проснулась за минуту до будильника. Старая привычка, которую вдолбила тётя Морвен: «Настоящий мракоборец просыпается раньше, чем его разбудят». Она полежала минуту, глядя в потолок и прислушиваясь к себе. В груди сворачивался тугой комок — смесь волнения, предвкушения и лёгкой паники.

Сегодня. Всё начинается сегодня.

Она встала, оделась в новую форму — серая плиссированная юбка чуть выше колена, белая рубашка, серый жилет с серебристой отстрочкой и пиджак с эмблемой мракоборцев на груди: скрещённые клинки в серебряном круге, — и спустилась вниз.

В доме уже кипела жизнь. Мама руководила сборами с точностью военного стратега, папа выносил чемоданы, а близнецы громко возмущались из гостиной:

— Почему нам нельзя ехать?!

— Мы тоже хотим посмотреть академию!

— Мы будем хорошо себя вести!

— Вы будете хорошо себя вести здесь, — сказала мама, не оборачиваясь. — С няней.

Академия — не место для десятилетних.

— Это дискриминация! — заявил Оливер.

— По возрасту! — поддержал Оскар.

— Именно, — кивнул папа. — И когда вы дорастёте, вы тоже поедете. А пока — помогайте Элле доедать кашу.

Элла, которой было три года, радостно стукнула ложкой по столу. Близнецы застонали.

Лея зашла в столовую и тут же попала в поле зрения Тео. Он сидел за столом, уже в форме второго курса — чёрные брюки, белая рубашка, серый пиджак с эмблемой мракоборцев, — и с аппетитом уплетал блинчики. Вид у него был до отвращения спокойный.

— Доброе утро, сестрёнка, — сказал он с набитым ртом. — Ты чего бледная?

— Я не бледная.

— Бледнее обычного. Ты что, волнуешься?

— Нет.

— Ага, конечно. — Тео отправил в рот очередной кусок блинчика и запил чаем. — Глаза бегают, пальцы дрожат, рубашку застегнула на все пуговицы, включая верхнюю, хотя обычно оставляешь две. Лея Рейнгольд в панике.

— Я не в панике! — Лея одёрнула воротник, расстёгивая верхнюю пуговицу. — Просто... это важный день.

— Конечно важный. Поэтому я спокоен. — Тео широко улыбнулся. — Волноваться — значит сомневаться в себе. Я в себе не сомневаюсь. Ты, кстати, тоже не должна. Ты сдала экзамены в первой пятёрке, тебя учила Морвен, и ты можешь надрать задницу большей половине нашего второго курса. Расслабься.

— Как ты можешь быть таким... таким...

— Неотразимым?

— Невыносимым!

— Талант, — он подмигнул ей и вернулся к блинчикам. — Садись ешь. Мама испекла их в честь нашего отъезда. Если не поешь, она обидится, а ты не хочешь расстраивать маму в такой день.

Лея вздохнула и села за стол. Блинчики и правда были отличные.

Через час они вышли из дома. Семейный артефамобиль — большая серебристая платформа на восемь мест — ждал у крыльца. Эдгар-водитель уже укладывал чемоданы в багажное отделение.

— ВСЕМ ХОРОШЕЙ УЧЁБЫ! — заорал Оскар, свешиваясь из окна гостиной.

— ПРИВЕЗИТЕ СУВЕНИРЫ! — добавил Оливер.

— ЛЕЯ, ТЫ САМАЯ ЛУЧШАЯ! — закричала Элла тоненьким голоском.

Лея помахала им и села в артефамобиль. Мама — рядом с ней, папа — напротив, Тео — впереди, у окна. Эдгар тронул платформу, и дом Рейнгольдов поплыл назад, уменьшаясь в размерах.

---

Академия Волшебных Искусств располагалась на холме в северной части Люминарису, и её шпили были видны почти из любой точки города. По мере приближения Лея всё лучше различала очертания пяти башен — по одной на факультет, — соединённых между собой крытыми галереями. Главный корпус возвышался в центре, сложенный из того же светлого камня, что и весь город, но с вкраплениями серебристых прожилок, которые слабо светились в утреннем солнце.

У ворот уже собралась толпа. Семьи прощались, студенты обнимали родителей, первокурсники растерянно оглядывались, пытаясь понять, куда идти. Старшекурсники держались увереннее — кучковались группками, смеялись, обменивались приветствиями. Где-то среди них Лея заметила знакомую тёмную куртку — Дар стоял с однокурсниками и о чём-то говорил. Он не смотрел в её сторону, и она быстро отвела взгляд.

Эдгар остановил артефамобиль у главных ворот. Отец первым вышел и подал руку маме. Тео спрыгнул на землю, не дожидаясь очереди, и тут же помахал кому-то в толпе.

— Лея, смотри, Дар идёт, — сказал он.

Лея обернулась. Дариан Арден пробирался сквозь толпу — высокий, в тёмной куртке поверх формы, с неизменным спокойным выражением лица. Подойдя, он вежливо кивнул:

— Господин Рейнгольд, госпожа Рейнгольд. Рад вас видеть.

— Дариан! — мама просияла и тут же заключила его в объятия, от которых Дар слегка опешил. — Как Элиара? Как Маркус? Мы не виделись с прошлого воскресенья, всё хорошо?

— Всё отлично, спасибо. Мама передавала вам привет.

— Передай ей, что в это воскресенье ужин у нас. И чтобы обязательно приходили.

— Передам, — Дар чуть улыбнулся.

Отец протянул ему руку, и Дар пожал её — крепко, по-взрослому.

— Слышал, ты стал одним из лучших на курсе, — сказал Кассиан. — Четыре элементаря.

Впечатляет.

— Спасибо, сэр. Мы с Тео вместе прошли.

— Знаю. Вы с ним отличная команда. Присмотри за этими двумя, — он кивнул на Тео и Лею. — А то один без царя в голове, а вторая слишком серьёзная. Вам нужен кто-то уравновешенный.

— Эй! — возмутился Тео. — У меня есть царь в голове! Просто он иногда спит.

— Постоянно, — добавила Лея, и Дар тихо фыркнул.

— Ладно, — мама повернулась к Лее, и её улыбка стала чуть грустной. — Пора прощаться.

Она обняла дочь — крепко, так, как обнимают перед дальней дорогой, хотя академия была всего в полчаса езды от дома.

— Вот и всё. Ты теперь студентка академии. Я горжусь тобой.

— Спасибо, мам.

— Пиши нам. Вестником, хоть парой слов. И не забывай есть. И спать. И...

— Элейна, — отец мягко тронул маму за плечо. — Ей пора.

Он повернулся к Лее, и она увидела, как в его глазах — обычно суровых, мракоборческих — блеснуло что-то тёплое.

— Лея, мы с мамой бесконечно гордимся тобой. Ты уже сейчас сильнее, чем многие выпускники. Но помни: сила не в том, чтобы никогда не ошибаться. Сила в том, чтобы подниматься после ошибок.

— Я помню, пап.

Он обнял её — коротко, по-мракоборски, но в этом объятии было больше чувства, чем в иных длинных речах.

— И не давай Тео слишком много воли, — добавил отец чуть тише. — А то он совсем распояшется.

— Эй, я всё слышу! — возмутился Тео.

— Я на это и рассчитывал, — отец усмехнулся.

Мама ещё раз поцеловала Лею в лоб, поправила воротник её рубашки — привычка, от которой она не могла избавиться с тех пор, как Лея пошла в первый класс, — и наконец отпустила.

— Я помогу с чемоданом, — сказал Дар, берясь за ручку.

— Я сама могу...

— Я знаю, что ты можешь сама, — перебил он спокойно. — Но чемодан тяжёлый, общежитие далеко, а я всё равно иду в ту же сторону. Не усложняй.

Лея хотела возразить, но Тео уже подхватил её под локоть с другой стороны и потянул к воротам.

— Не спорь с ним, он упрямый.

— Сам ты упрямый.

— Я в этом деле профессионал.

Они прошли через главные ворота. Лея оглянулась — родители стояли у артефамобиля и махали ей. Она помахала в ответ и ускорила шаг.

Дар шёл чуть позади, не вмешиваясь в болтовню Тео, но и не отставая. Он тащил чемодан легко, будто тот ничего не весил, и молчал. Лея чувствовала его присутствие спиной — странное, непривычное. Когда-то она мечтала о том, чтобы он просто шёл рядом. Теперь он шёл рядом, и это было... не как в мечтах. Иначе.

— Чего молчишь? — спросил Тео, оборачиваясь к Дару.

— Слушаю тебя. Ты и так говоришь за троих.

— Это комплимент?

— Констатация факта. А вообще то, вспомнил как в прошлый год ты тремся как осиновый лист, в первый день учебы.

Лея улыбнулась. Дару всегда удавалось осадить Тео одной фразой — и при этом так, что тот не обижался.

— Не может быть, Тео?! — Лея поддела его.

— Не правда! — заголосил Тео.

— Ага. Только никому не говори, а то испортишь ему репутацию. — Сказал Дар одновременно с Тео.

— А что у него за репутация?

— У него репутация человека, который на первом курсе случайно поджжёт теплицу.

— Это был не я! Это был ты вообще-то.

— Тео.

— Ладно, это был я. Но теплицу потом восстановили. Идём.

Академия внутри оказалась ещё величественнее, чем снаружи. Пять зданий факультетов расходились от центральной площади звёздой. Башня Целителей была увита живыми растениями — плющ поднимался до самой крыши, а из окон свисали цветущие лианы. Корпус Артефакторов мерцал рунной подсветкой — символы на стенах пульсировали мягким синим светом. Здание Мракоборцев напоминало крепость из тёмного камня с тренировочными полигонами во дворе. Факультет Изучения волшебных существ окружали вольеры и теплицы. Корпус Общей магии был самым большим, с куполом из стекла и бронзы.

Общежития стояли чуть поодаль: два длинных трёхэтажных здания — одно для девушек, другое для юношей. Комнаты были рассчитаны на двоих. Смешанное расселение: студенты с разных факультетов жили вместе. Считалось, что это помогает «междисциплинарному взаимопониманию». На практике — помогало дружбе.

Они пересекли центральную площадь, миновали фонтан и подошли к общежитию девушек. Дар поставил чемодан у дверей.

— Дальше сама, нам туда нельзя — сказал Тео. — Твоя комната — двадцать седьмая, второй этаж.

— Я помню.

— Увидимся на приветствии. Не дрейфь.

— Я не дрейфлю.

— Конечно. — Он взлохматил ей волосы и отступил на шаг.

— Удачи, Рейнгольд, — сказал Дар. Он не улыбался, но в его глазах было что-то, чего Лея не могла разобрать. — Не опоздай на приветствие.

— Я никогда не опаздываю, Арден.

— Кроме того случая в восемь лет, когда ты проспала собственный день рождения.

— Будешь все время чтоли это вспоминать?

Дар чуть заметно усмехнулся. — Может быть.

И прежде чем Лея успела придумать достойный ответ, он развернулся помахал рукой и пошёл прочь — рядом с Тео, который тоже улыбнувшись, попрощался с ней. И что-то быстро начал говорить другу. Оба смеялись.

Лея проводила их взглядом, покачала головой и толкнула дверь общежития. Без труда нашла нужную комнату — планировка была простой.

Комната была светлой и просторной. Две кровати, два письменных стола, два шкафа, два зеркала — всё парное, симметричное. У окна, выходящего в сад, уже стоял раскрытый чемодан. Фрейя сидела на своей кровати, скрестив ноги, и листала учебник по рунным цепям. На ней уже была форма — серая юбка, белая рубашка, жилет с серебристой отстрочкой.

— Ну наконец-то! — она вскочила и бросилась обниматься. — Я думала, ты никогда не приедешь! Я уже тут час сижу! Одна! Разбираю вещи! Тут такая тоска, Лея, ты не представляешь!

— Тут красиво.

— Красиво, — согласилась Фрейя. — Но без тебя — тоска.

Лея огляделась. Светлая комната, залитая солнцем. Учебник на кровати. Фрейя с горящими глазами. Запах новых мантий и старого сада за окном.

— Давай разбирайся быстрее, скоро приветствие ректора, — Фрейя уже тянула её к шкафу. — Ты готова?

Лея повесила пиджак на плечики, разложила вещи в шкафу и задвинула чемодан под кровать.

— Кажется, да, — сказала она.

Приветствие ректора проходило в Главном зале — огромном помещении с высоким сводчатым потолком, под которым парили сотни магических свечей. Первокурсники — все семьдесят пять человек — сидели на скамьях, разбившись по факультетским группам. Мракоборцы заняли левый сектор, целители — правый, артефакторы, исследователи существ и общая магия — по центру. Кураторы-второкурсники стояли вдоль стен.

Ректор, пожилой маг с длинной серебряной бородой и добрыми глазами, поднялся на кафедру. Зал затих.

— Добро пожаловать в Академию Волшебных Искусств Иллюзиона, — его голос разносился под сводами без всяких заклинаний. — Сегодня вы становитесь частью большой семьи. Здесь вы проведёте три года — лучшие, труднейшие и самые важные годы вашего становления. Вы будете учиться. Будете ошибаться. Будете подниматься после падений. И в конце первого курса каждого из вас ждёт Испытание Стихий.

По залу пробежал шёпот. Ректор чуть улыбнулся.

— Да, я знаю, вы все о нём слышали. Но поверьте мне: вы не представляете, через что вам предстоит пройти. Испытание — это не экзамен. Это путешествие. В Заповедный лес, к

элементалей, к самим себе. И если вы будете честны, смелы и открыты, духи стихий ответят вам.

Он обвёл зал взглядом, задерживаясь на лицах.

— Помните: академия — это не просто школа. Это место, где рождается магия, которая меняет мир. И каждый из вас способен на такую магию. Удачи вам, первокурсники.

Зал взорвался аплодисментами.

После общей части студентов развели по факультетам. Мракоборцы собрались в зале своей башни — суровом помещении с каменными стенами, на которых висели портреты великих воинов прошлого. Здесь пахло кожей, металлом и чем-то, напоминающим грозу.

После общей части студентов развели по факультетам. Мракоборцы собрались в зале своей башни — суровом помещении с каменными стенами, на которых висели портреты великих воинов прошлого. Здесь пахло кожей, металлом и чем-то, напоминающим грозу.

Вошёл декан.

Это был мужчина лет шестидесяти, с коротким седым ёжиком, квадратной челюстью и шрамом, пересекающим левую бровь. Он двигался как человек, который провёл в боях больше времени, чем в постели. Мантия на нём сидела странно — было видно, что он предпочёл бы мундир.

— Меня зовут генерал Корвин Страуд, — сказал он без предисловий. Голос у него был как камнепад: низкий, гулкий, заставляющий выпрямлять спину. — Я декан факультета мракоборцев. Я вышел в отставку, чтобы учить вас, и, клянусь стихиями, вы будете учиться. Некоторые из вас думают, что они уже мракоборцы, потому что сдали вступительные. Это смешно. Вы — сырой материал. Глина. И за три года я вылеплю из вас бойцов, или вы уйдёте. Третьего не дано.

Он обвёл зал взглядом. Лея кожей почувствовала, как этот взгляд скользнул по ней.

— Теперь о том, что вас ждёт завтра, — продолжил генерал. — Утром, сразу после первой тренировки, состоится жеребьёвка. Вас, — он обвёл рукой зал, — семьдесят пять человек. Пять факультетов. Пять групп по пятнадцать первокурсников. Состав групп будет определён случайным образом, без учёта факультетов, родословных и личных симпатий. Каждая группа — это ваша команда на весь первый курс. Вы будете тренироваться вместе, учиться вместе и в конце года пойдёте в Заповедный лес тоже вместе. Поэтому советую сразу налаживать отношения.

По залу пробежал шёпот. Кто-то заволновался, кто-то, наоборот, оживился.

— Кураторами групп станут второкурсники, — продолжал Страуд. — Лучшие из лучших. Те, кто уже прошёл Испытание и получил благословение элементалей. По два куратора на каждую группу. И они тоже будут выбраны жеребьёвкой. Никаких назначений, никаких протекций. Чистый случай.

Он сделал паузу и обвёл зал всё тем же тяжёлым взглядом.

— Самый важный предмет на этом факультете — боевая подготовка. Её веду я. Опозданий не принимаю. Отговорок не слушаю. Слабаков не терплю. Ваша палочка — ваше оружие. Ваше тело — ваше оружие. Ваш разум — ваше главное оружие. Если к концу первого курса вы не будете достойны Испытания Стихий — вы не пойдёте в лес. Вопросы?

Вопросов не было.

— Отлично, — кивнул генерал Страуд. — Завтра в шесть утра на плацу. Форма одежды — боевая. В восемь — жеребьёвка в Главном зале. Свободны.

Лея выдохнула. Кажется, она не дышала всё время, пока он говорил. Жеребьёвка. Случайные группы. Случайные кураторы. Всё решит жребий. Она вспомнила, как Дар стоял у колонны во время приветствия ректора, и сердце пропустило удар. Нет. Глупости. Семьдесят пять первокурсников, десять кураторов. Вероятность того, что ей выпадет именно он, ничтожно мала.

— Рейнгольд, — бросил декан, и она вздрогнула. — Слышал о вас. Дочь Кассиана?

— Да, сэр.

— Посмотрим, есть ли в вас его сталь. — И он вышел, не дожидаясь ответа.

И в этот момент Лея её увидела.

Та самая девушка с вечеринки. Тёмные длинные волосы, идеальная фигура, уверенная походка. Она шла к выходу из зала вместе с остальными первокурсниками-мракоборцами. На ней была такая же форма, как у Леи: серая юбка, белая рубашка, пиджак с эмблемой мракоборцев.

У Леи внутри всё оборвалось. «Нет. Только не это.» Но сомнений не было — та девушка, что танцевала с Даром, была мракоборцем. Её однокурсницей. Они будут учиться вместе. Три года. Бок о бок.

— Эй, ты идёшь? — однокурсница тронула её за плечо.

Лея заставила себя отвести взгляд от тёмных волос, исчезающих в дверях.

— Да. Иду.

Первые занятия начались сразу после обеда — ректор не любил терять время. На первый день всем первокурсникам поставили в расписание только один предмет: введение в специализацию. Лекции для каждого факультета проходили в их собственных башнях.

Мракоборцы снова собрались в том же зале, но теперь на кафедре стоял не генерал Страуд, а преподавательница лет сорока с острым, как лезвие, лицом. Она представилась как магистр Вега — куратор первого курса мракоборцев — и говорила быстро, чётко, не давая времени на записи.

Она рассказывала о структуре факультета. О предметах: боевая подготовка, защитная магия, тактика, следственная магия, противодействие тёмным искусствам. О расписании, которое с завтрашнего дня будет висеть на доске у входа. О том, что каждая пропущенная тренировка — это минус балл, а три минуса — отработка на полигоне в субботу. О том, что на экзаменах не будет поблажек ни для кого — ни для дочерей министерских служащих, ни для выходцев из старых родов.

На этой фразе несколько голов повернулись к Изабель де Морней, которая сидела в первом ряду с безупречно прямой спиной. Изабель никак не отреагировала, только чуть приподняла подбородок.

Лея сидела в третьем ряду, рядом с Кайлом Морганом. Тот постоянно ёрзал, крутил в пальцах палочку и дважды получал предупреждающий взгляд магистра Веги. Селена Вейн сидела через два ряда левее — Лея заметила это краем глаза и заставила себя не оборачиваться.

Вторая половина лекции была посвящена будущему Испытанию Стихий. Магистр Вега развернула карту Заповедного леса — огромную, во всю стену, с прорисованными тропами, отмеченными гнёздами элементарей и пометкой «зона повышенной опасности» в северо-восточном секторе.

— В конце года вы отправитесь в этот лес, — сказала она. — Не все из вас вернутся с элементарями. Некоторые не получают ни одного. Это не провал — элементарь выбирает не сильнейшего, а того, кто резонирует с его стихией. Вы можете быть самым мощным магом курса, но если вы лжёте себе — элементарь это почувствует и не выйдет.

По залу пробежал холодок.

— Подготовка к Испытанию начинается завтра, — продолжила Вега. — На элементаристике вам расскажут теорию, на боевой подготовке — как выживать в лесу, на тактике — как работать в группе. Но главная подготовка будет проходить внутри вас. И к ней нет учебников.

Она обвела зал взглядом.

— Вопросы?

Вопросов не было. Только Кайл пробормотал себе под нос: «А если я не лгу себе, а просто нервничаю?» Лея услышала и едва заметно улыбнулась.

---

Общая столовая

К ужину Лея уже чувствовала, что голова пухнет от информации, а ноги гудят от бесконечных переходов между корпусами.

Общая столовая располагалась на первом этаже главного здания — огромный зал с высокими окнами, залитый вечерним солнцем. Длинные столы тянулись рядами, за ними сидели студенты всех трёх курсов, перемешанные без разделения на факультеты. Пахло свежим хлебом, тушёным мясом, пряностями и чем-то сладким — наверное, яблочным пирогом.

Лея взяла поднос и встала в очередь. Еда накладывалась сама: подносишь тарелку к блюду, и порция аккуратно перемещается на тарелку. Магия бытового факультета, простая и удобная.

Она уже высматривала свободное место, когда кто-то окликнул её:

— Рейнгольд! Садись к нам!

Это был Кайл Морган — он махал рукой с другого конца зала, рядом с ним сидел Рави Сингх, целитель, и ещё кто-то из первокурсников.

Лея подошла. За столом, кроме Кайла и Рави, сидела Илана Вейс — тихая целительница, — и Лиам Донован с общей магии. Лиам тут же подвинулся, освобождая место.

— Как прошла лекция? — спросила Илана, когда Лея села. — У нас целительская была... это было что-то. Профессор Фальк принёс настоящего раненого гиппогрифа и сказал: «Диагностируйте». А мы только первый день!

— И как? — Лея взяла вилку. — Диагностировали?

— Сломано крыло и три трещины в клюве, — тихо сказал Рави. — Но я просто повторил за профессором.

— Ничего себе «просто», — Кайл присвистнул. — А у нас магистр Вега рассказывала про Испытание. Впечатляет.

Лиам подался вперёд:

— Говорят, в прошлом году один парень получил четырёх элементарей. Прямо во время испытания.

— Двое получили, — поправил Рави. — Тео Рейнгольд и Дариан Арден.

При имени Дара Лея на секунду замерла, но тут же продолжила есть.

— С ума сойти, — Лиам покачал головой. — Четыре стихии! Как думаешь, — он повернулся к Лее, — тяжело это — получить сразу четырёх?

— Не знаю, — Лея пожала плечами. — Я планирую для начала завести одного.

Кайл расхохотался.

— Завести! Как котёнка!

— Элементарии — не котята, — серьёзно сказала Илана. — Они разумны. И они чувствуют, когда к ним относятся легкомысленно.

— Я серьёзно, — возразила Лея. — Просто... ставить реальные цели. Четыре — это, наверное, для тех, кто уже знает, кто он и что он. А я пока только разбираюсь.

За столом повисла секундная тишина. Потом Рави кивнул.

— Это мудро.

— Кстати, о второкурсниках, — Кайл кивнул в сторону дальнего стола, где сидели старшие студенты. — Смотрите, как спокойно сидят. Никакой суеты.

— Они-то своё отбоялись, — усмехнулся Лиам. — А третьекурсников вообще нет.

— Третьекурсники только послезавтра приезжают, — пояснил Рави. — Я слышал, у них занятия на день позже начинаются. Им жеребьёвка не нужна, испытание они уже прошли. Так что вся эта кутерьма — только для нас.

— Повезло, — завистливо вздохнул Кайл. — Проснуться на день позже...

— Ты ещё даже не начал учиться, а уже хочешь проспать, — заметила Илана.

— Я просто планирую заранее.

— Это называется лень, а не планирование.

Кайл хотел возразить, но Лиам перебил:

— Интересно, кого нам дадут в кураторы. Говорят, среди второкурсников есть такие, кто получил по четыре элементаля.

Лея промолчала. Рави кивнул.

— Рейнгольд и Арден. Тео и Дариан.

— Рейнгольд? — Лиам посмотрел на Лею. — Это же твой брат?

— Брат, — подтвердила она.

— Круто. Может, попросишь его, чтобы нам попался кто-то нормальный?

— Жеребьёвка, — напомнил Рави. — Никто не может повлиять на результат.

— Да, — сказала Лея. — Чистый случай.

И почему-то это прозвучало не так спокойно, как ей хотелось.

Они ещё немного поговорили — о расписании, о завтрашних тренировках, о том, что генерал Страуд, по слухам, может заставить отжиматься за одно опоздание. Потом Кайл попытался стащить у Лиамы кусок пирога, Лиам возмутился, и завязалась шутивная потасовка.

Лея ела молча, поглядывая на зал. За соседним столом она заметила Фрейю — та сидела с Джаспером и Корой, что-то чертила на салфетке и активно жестикулировала. Фрейя подняла глаза, встретила взглядом с Леей и подмигнула.

Где-то на другом конце зала сидели второкурсники. Среди них — Тео и Дар. Лея не смотрела в их сторону. Почти не смотрела.

После ужина Лея вышла из столовой и сразу заметила в коридоре знакомую рыжую макушку. Фрейя как раз прощалась с Джаспером и Корой и, увидев подругу, тут же замахала рукой.

— Ну наконец-то! Я думала, ты там навсегда застряла! — она подхватила Лею под руку и потащила к выходу. — О чём болтали?

— О расписании. О жеребьёвке. О том, что генерал Страуд заставляет отжиматься за одно опоздание.

— Мой декан тоже ничего, — Фрейя ухмыльнулась. — Сказал, что если мы устроим пожар в мастерской до конца первого семестра, он будет считать это успехом. Но если после — провалом.

— И вы, конечно, постараетесь его не разочаровать.

— Естественно.

Они вышли на центральную площадь. Вечерний воздух был прохладным и пах цветущими магнолиями. Над башнями академии уже зажглись магические огни, и вся территория была залита мягким серебристым светом. Кое-где на скамейках ещё сидели студенты — кто-то листал учебники, кто-то просто болтал, наслаждаясь последним свободным вечером.

— Ты заметила, что третьекурсников до сих пор нет? — спросила Фрейя, когда они проходили мимо фонтана.

— Рави сказал, они только послезавтра приезжают. У них занятия позже начинаются, им ни к чему вся эта суета.

— Везёт. Хотя... — Фрейя задумалась. — Скучно, наверное, начинать учёбу, когда все уже всю учатся.

— Зато они уже прошли Испытание. У них есть элементали. Они, наверное, сейчас сидят где-нибудь в городе и вспоминают, как сами были первокурсниками.

— И смеются над нами, — добавила Фрейя.

— Определённо.

Они подошли к общежитию. У входа стояла небольшая группка студенток — кто-то знакомился, кто-то обсуждал завтрашнее расписание. Лея заметила среди них Изабель де Морней, которая что-то громко рассказывала, окружённая слушательницами, и быстро прошла мимо.

В комнате было тихо и уютно. Свет магического фонаря мягко освещал две кровати, два стола и два шкафа. Фрейя сбросила туфли и плюхнулась на кровать, раскинув руки.

— Знаешь, я так устала, будто меня целый день гоняли по полигону. А я всего лишь слушала лекции.

— Привыкай, — Лея села на свою кровать и начала расплетать волосы. — Завтра у тебя материаловедение.

— Не напоминай.

— А у меня — плац в шесть утра.

— Ужас. Ты вообще спишь когда-нибудь?

— Иногда.

— Глядя на вашего декана, даже мне хочется упасть в упор лежа. — Лея засмеялась.

Они замолчали. За окном стрекотали сверчки, где-то в коридоре слышались шаги и приглушённые голоса. Академия засыпала, но не до конца — казалось, само здание дышит, наполненное жизнью десятков студентов.

— Кстати, Лея, не знаю, заметила ли ты...

Лея, уже переодевшаяся в пижаму, села на кровать.

— Ту девушку с вечеринки. Которая танцевала с Даром.

— Да.

— Она мракоборец. Первокурсница. Мы будем учиться вместе.

Повисла пауза. Фрейя медленно села на своей кровати.

— Ну... это не точно, — сказала она. — Может, тебе показалось.

— Не показалось.

Фрейя помолчала. Потом вздохнула — тяжело, протяжно, как человек, который не хочет говорить то, что должна сказать.

— Я заметила её ещё утром. Она тоже живёт в этом общежитии. Я видела её в коридоре. Её зовут Селена. Селена Вейн. Из очень богатой семьи, кажется.

Лея закрыла глаза.

— Знаешь, мне всё равно. Это же глупо — почему я должна ревновать? — Она покачала головой.

— Ты права. В этом нет смысла. Но всё равно, если захочешь поговорить об этом, ты знаешь — я рядом. — Улыбнулась подруга. За это Лея её любила больше всего.

— Спасибо, — сказала Лея и улыбнулась в ответ. — За заботу.

— Да и вообще, — Фрейя пересела к ней на кровать и обняла за плечи. — Это ничего не значит. Мало ли с кем он танцевал? Это была вечеринка, все танцевали со всеми. Он позвал тебя, не её. И, кстати, ждал у входа. Двадцать девять минут — ты сама говорила.

— Ты просто меня утешаешь.

— Я никогда тебя не утешаю, — возмутилась Фрейя. — Я говорю правду. Иногда неприятную, но правду. И правда в том, что эта Селена — просто первокурсница, которая красиво танцует. А ты — Лея Рейнгольд, которая умеет надрать задницу любому, кто встанет у неё на пути. А завтра у вас жеребьёвка. Ты попадёшь в отличную группу с отличными кураторами. Может быть, даже с Тео.

— Или с Даром, — тихо сказала Лея.

— Или с обоими, — Фрейя пожала плечами. — Я, кстати, не удивлюсь. У нас в роду был один артефакт, который предсказывал случайности. Так вот он говорил, что случайности — это просто закономерности, которые мы пока не понимаем.

— У тебя в роду был предсказывающий артефакт?

— Мама говорит, что он предсказал ей встречу с папой. А потом сломался. — Фрейя задумалась. — Наверное, решил, что его миссия выполнена.

Лея невольно улыбнулась.

— Завтра плац в шесть утра, — сказала она. — Если я не выплуюсь, генерал Страуд меня живьём съест.

— Тогда спать, — Фрейя хлопнула её по плечу и встала. — Завтра тяжёлый день. У тебя — плац, у меня — материаловедение. Не знаю, что хуже.

— Плац.

— Определённо плац.

Они погасили свет. В комнате стало темно, только из окна лился серебристый свет магических фонарей. Лея легла, натянула одеяло до подбородка и уставилась в потолок.

Завтра — первый день по-настоящему. Плац в шесть утра. Жеребьёвка в восемь. Новые группы, новые кураторы. Кому-то достанется Тео, кому-то — Дар, кому-то — кто-то ещё. Всё решит случай.

Или закономерность, которую она пока не понимала.

Она закрыла глаза и не заметила, как провалилась в сон.

#### Глава 7. Плац

Будильник прозвенел в половине шестого, и Лея открыла глаза раньше, чем прозвучал второй звонок. Привычка, которую тётя Морвен вдалбливала годами: подъём до рассвета, тело и разум должны просыпаться вместе. Несколько секунд она смотрела в потолок, привыкая к новой комнате, к запаху свежего дерева и старого сада за окном, к мягкому сопению Фрейи на соседней кровати.

Фрейя спала, раскинув руки и уткнувшись лицом в подушку. Рыжие волосы разметались по одеялу, а на тумбочке лежал раскрытый учебник по рунным цепям — видимо, она читала допоздна. Лея улыбнулась и бесшумно спустила ноги на пол. Будить подругу не хотелось.

Она надела спортивную форму — тёмные брюки, облегающую футболку с эмблемой факультета на груди, лёгкую ветровку. Собрала волосы в тугий хвост и закрепила так, чтобы ни одна прядь не выбилась. В зеркале отразилась собранная, серьёзная девушка. Та, что смотрела с отражения прошлым вечером, исчезла; теперь на Лею глядел боец.

«Плац. Шесть утра. Не опаздывать», — мысленно повторила она и выскользнула в коридор.

Утро только начиналось. Над травой стелился лёгкий туман, небо на востоке чуть порозовело. В коридорах общежития было тихо — студенты других факультетов могли позволить себе ещё час сна. Но не мракоборцы.

Плац располагался за зданием факультета — огромная прямоугольная площадка, мощенная серым камнем, с магическими барьерами по периметру. Сейчас, в предрассветных сумерках, он казался безлюдным и суровым, но Лея заметила, что она не первая. У дальнего края уже стояли несколько фигур в таких же ветровках.

Кайл Морган, как всегда, что-то громко рассказывал, размахивая руками. Рядом с ним переминался с ноги на ногу Лео — невысокий парень, один из четырёх парней на курсе. Чуть поодаль стоял ещё один — высокий, широкоплечий, с коротко стриженными тёмными волосами. Он не участвовал в разговоре, просто слушал, скрестив руки, и на его лице застыло выражение спокойного ожидания.

— Рейнгольд! — Кайл заметил Лею и замахал рукой. — Ты тоже из этих, которые за час до начала?

— Из этих? — Лея подошла ближе.

— Ну, которые встают затемно и уже успели пробежаться и позавтракать.

— Я не завтракала, — сказала Лея. — На пустой желудок лучше тренироваться.

— Узнаю безумного мракоборца — Кайл ухмыльнулся. — Знакомься, кстати. Это Калев Рейнольдс. Тоже первый курс.

Высокий парень перевёл взгляд на Лею. Глаза у него оказались тёмно-карими, почти чёрными — и очень внимательными.

— Рейнгольд, — повторил он, чуть растягивая имя, будто пробуя его на вкус. — Слышал о твоём отце. Кассиан — легенда.

— Спасибо, — Лея кивнула. — А ты откуда?

— Из восточного округа. Там нет академий, пришлось ехать сюда.

— И как тебе Люминарис?

— Шумный, — он чуть улыбнулся. — Но привыкну.

Кайл хлопнул обоих по плечам:

— Ну всё, познакомились. Теперь давайте думать, как выжить на тренировке. Страуд, говорят, гоняет до седьмого пота.

— Я тоже слышал, — Лео вздохнул. — И очень надеюсь, что это преувеличение.

— Это не преувеличение, — раздался голос за их спинами, и все четверо вздрогнули.

Генерал Корвин Страуд вышел из тумана, как призрак — бесшумно, несмотря на грузную фигуру. На нём был простой серый китель без знаков различия, но мантия и китель ему были явно не нужны. Он двигался так, будто утренний холод был ему нипочём, а глаза — холодные, серые — осматривали плац с привычной цепкостью.

— Запомните, — сказал он, не повышая голоса, но так, что слышали все. — Я не преувеличиваю. Никогда.

К тому моменту, как часы на башне пробили шесть, на плацу стояли уже все пятнадцать первокурсников-мракоборцев. Лея заметила Селену Вейн — та стояла чуть поодаль, с идеальной осанкой, и смотрела прямо перед собой. Изабель де Морней, напротив, оглядывалась, словно оценивая соперников. Кайл перестал болтать и замер, как и все.

Генерал Страуд прошёлся вдоль строя — медленно, заложив руки за спину.

— Сегодня я хочу посмотреть, кто из вас чего стоит, — начал он. — Вступительные экзамены — это бумажка. Мне плевать, какие у вас были баллы в школе. Мне плевать, чьи вы дети и сколько золота в вашем сейфе. Здесь и сейчас для меня не существует ни имён, ни родословных. Только пот. Только сила. Только характер.

Он остановился.

— Сначала — физическая подготовка. Три круга вокруг плаца. Бегом. Если кто-то отстанет — будете бежать четвёртый. Если кто-то отстанет на четвёртом круге — будет бежать до тех пор, пока не научитесь держать строй. Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Тогда — вперед.

Первые два круга дались относительно легко. Лея бежала в ровном темпе — не в первых рядах, но и не в хвосте. Воздух был холодным и чистым, дыхание — ровным. Тётя Морвен гоняла её по прибрежным скалам каждое утро, так что три круга вокруг плаца были скорее разминкой.

Кайл бежал где-то рядом, тяжело дыша. Изабель держалась уверенно — видимо, тоже привыкла к нагрузкам. Селену Лея не видела, но слышала её шаги — лёгкие, пружинящие. Калев бежал впереди, задавая темп; его широкие плечи маячили впереди, и Лея заметила, что он даже не запыхался.

К третьему кругу строй начал растягиваться. Кто-то сдавал — один из парней перешёл на шаг, и декан рявкнул:

— Четвёртый круг! И без поблажек!

Парень побежал снова — бледный, но упрямый.

Когда последний студент пересёк черту, генерал дал им ровно минуту на отдых — и ни секундой больше. Лея наклонилась, упёршись руками в колени, и глубоко дышала. Сердце колотилось, но мышцы были разогреты, а мысли — ясными.

— Теперь — спарринги, — объявил Страуд, и по строю пробежал напряжённый шёпот. — Я разбиваю вас на пары сам. Без возражений. Без обсуждений.

Он прошёлся вдоль шеренги, взглядываясь в лица. Остановился напротив Кайла и указал на Лео:

— Морган и Торн. Вы двое.

Дальше — Изабель и Эшли. Ещё одна пара — двое других парней.

Наконец генерал остановился напротив Леи. Она встретила его взгляд прямо, не отводя глаз. Страуд чуть прищурился, потом перевёл взгляд на другой конец строя.

— Рейнгольд и Вейн.

Сердце Леи ухнуло, но лицо осталось спокойным. Ментальный щит, поставленный утром по привычке, даже не дрогнул. Селена вышла вперёд — стройная, с холодной усмешкой в уголке рта.

— Одинаковая комплекция, — бросил декан, — посмотрим, у кого лучше реакция. Палочки наизготовку. Бой до первого касания или до моей команды.

Они встали друг против друга в центре плаца. Остальные студенты расступились, образовав круг. Селена вертела палочку в пальцах — небрежно, словно игрушку.

— Удачи, Рейнгольд, — сказала она. Голос был мурлыкающим, почти дружелюбным.

— Постараюсь без неё обойтись, — ответила Лея.

Страуд взмахнул рукой:

— Начали.

В первый момент они просто кружили, оценивая друг друга. Лея держала палочку крепко, кончик был направлен на соперницу. Селена двигалась плавно, по-кошачьи, не делая резких движений.

Первый выпад сделала Селена — быстрый, хлёсткий, с алым всполохом. Лея ушла в сторону, даже не блокируя: простой уклон, отработанный с отцом сотни раз. Заклинание просвистело мимо плеча и врезалось в барьер, зашипев.

— Неплохая реакция, — бросила Селена.

Лея не ответила. В бою слова — это трата дыхания.

Они обменялись ещё несколькими заклинаниями — учебными, не боевыми, но оттого не менее чувствительными. Звон сталкивающихся лучей разрезал утренний воздух. Лея держала ритм, не позволяя себе ускоряться. Она знала: торопливость — это ошибка, а ошибка в бою с ментальным магом может стоить победы.

Она почувствовала это раньше, чем поняла.

Лёгкое давление на краю сознания — мягкое, почти неощутимое, как прикосновение пера. Селена пыталась проникнуть в её разум. Не грубо, не атакой — тонко, вкрадчиво. Ментальный шёпот, скользкий по поверхности мыслей.

Лея чуть не улыбнулась. Тётя Морвен готовила её к такому годами. Она не стала выстраивать грубую стену — это выдало бы её с головой. Вместо этого её разум стал водой. Текучим, прозрачным, неуловимым. Селена пыталась ухватиться за мысли — и не находила их.

На лице Селены мелькнуло замешательство.

Лея использовала этот момент. Резкий выпад — два быстрых заклинания подряд, одно отвлекающее, второе боевое. Селена блокировала первое, но второе задело её плечо, опалив ткань формы.

— Касание! — рявкнул Страуд.

Селена замерла, тяжело дыша. Её палочка всё ещё была направлена на Лею, но лицо выражало смесь удивления и злости.

— Бой окончен, — объявил декан. — Победа Рейнгольд.

Лея опустила палочку, чувствуя, как внутри медленно отпускает напряжение. Она посмотрела на Селену — та уже взяла себя в руки, но глаза всё ещё горели.

— Тренируешь ментальный блок? — спросила Селена негромко, так, чтобы слышала только Лея.

— Просто поставила щит на всякий случай, — Лея пожала плечами, изобразив лёгкое удивление. — А что, ты пыталась?.. Я даже не заметила.

Селена прищурилась. Было видно, что она не до конца верит, но крыть нечем: если Рейнгольд действительно не заметила ментальной атаки, значит, либо блок у неё поставлен на уровне рефлексов, либо она притворяется. Первое означало, что противница сильнее, чем кажется. Второе — что она умнее, чем хочет показать. И оба варианта Селене не нравились.

— Просто на всякий случай, — повторила она с холодной усмешкой. — Ну-ну.

Генерал Страуд подошёл к ним, остановился, глядя то на одну, то на другую.

— Рейнгольд, — сказал он, и Лея внутренне напряглась.

— Да, сэр.

— Хороший бой. Дисциплинированный. Минимум лишних движений. Кто учил?

— Отец, сэр. Кассиан Рейнгольд. И немного сама.

Страуд кивнул — никаких эмоций, просто принял информацию к сведению.

— А ментальный щит?

— Просто поставила на всякий случай, — повторила Лея всё тем же ровным тоном. — Я не знала, чего ожидать.

Декан посмотрел на неё долгим взглядом. Лея выдержала его, не отводя глаз, сохраняя на лице выражение вежливого внимания. Морвен учила её и этому тоже: когда лжёшь — делай это максимально близко к правде. Щит она действительно поставила на всякий случай. Правда, она всегда его ставила.

— Разумная предосторожность, — сказал наконец Страуд. — Жаль, что не все об этом помнят.

Он повернулся к Селене:

— А вы, Вейн, сделали ошибку. Попытались читать мысли вместо того, чтобы читать бой. Противник, который держит щит — даже базовый, — всё равно что закрытая дверь. Вы постукались. Вас услышали. В следующий раз, если хотите лезть в чужую голову, делайте это грубее. Иллюзией. Отвлекающим ударом. Ментальная атака должна быть внезапной, а не вежливой.

Селена сжала губы, но кивнула.

— Сэр.

— Всем остальным — продолжать! — рявкнул Страуд, поворачиваясь к остальным студентам. — Следующая пара — на центр!

Лея отошла к краю плаца. Сердце всё ещё колотилось, но уже не от нагрузки, а от адреналина. Она поймала взгляд Кайла — тот показал ей большой палец и прошептал: «Уела». Она не ответила, но уголки губ дрогнули.

Калев стоял в нескольких шагах и смотрел на неё — открыто, без попытки скрыть интерес. Когда их взгляды встретились, он не отвёл глаз, а вместо этого кивнул — коротко, уважительно. Не как победительнице, а как равной. Лея ответила таким же коротким кивком.

Селена стояла поодаль, молча поправляя обожжённый рукав. Изабель де Морней, проходя мимо, бросила на неё короткий взгляд — оценивающий, холодный, — но ничего не сказала.

Следующей парой Страуд назначил Кайла и Лео. Кайл вышел в центр плаца с видом человека, который собирается победить любой ценой — и, возможно, слегка переоценивает свои силы. Лео, невысокий жилистый парень, напротив, выглядел собранным и цепким.

— Начали.

Первые несколько минут они обменивались учебными заклинаниями — Кайл атаковал напористо, широкими взмахами, стараясь задавить соперника мощью. Лео уклонялся и ждал. Лея заметила, как он двигается: экономно, без суеты. Так двигаются те, кто привык драться с противниками сильнее себя.

Кайл сделал резкий выпад — слишком резкий. Лео ушёл в сторону и одновременно выбросил заклинание не с палочки, а с левой руки — короткий ослепляющий импульс. Кайл на секунду замешкался, и этого хватило: учебный луч коснулся его плеча.

— Касание! Победа Торна.

— Что? — Кайл заморгал, пытаясь проморгаться после вспышки. — Он же... это было не с палочки!

— В бою противник не будет спрашивать, с палочки вы атакуете или без, — отрезал Страуд. — Вы проиграли, Морган. Учитесь.

Кайл отошёл к краю плаца, бормоча что-то себе под нос.

Последней парой декан поставил Изабель и Эшли. Их бой был самым коротким: Изабель атаковала с ходу, тремя заклинаниями подряд, не давая противнице опомниться. Третье задело Эшли по бедру.

— Победа де Морней.

Изабель вернулась на место с таким видом, будто ничего особенного не произошло. Но на Лею она посмотрела — коротко, оценивающе, словно сравнивала.

— В целом неплохо, — подвёл итог Страуд, когда строй снова выровнялся. — Для первого раза. К концу семестра вы должны быть втрое быстрее. К концу года — впятеро. Кто не справится — не пойдёт в Заповедный лес. Я ясно выражаюсь?

— Да, сэр, — ответил строй вразнобой.

— Тогда свободны. Завтрак, потом жеребьёвка. Не опаздывать.

Лея направилась к выходу с плаца, разминая плечо — мышцы уже начинали ныть после нагрузки. У выхода её догнал Калёб.

— Хороший бой, — сказал он. — Вейн серьёзная соперница.

— Ты с ней знаком?

— Нет. Но видел, как она держит палочку. Это не новичок.

— Она ментальный маг, — сказала Лея. — Пыталась читать меня.

Калёб поднял бровь.

— И?

— Не вышло.

— Значит, ты тоже не новичок, — он усмехнулся — открыто, без тени соперничества. — Кстати, ты знаешь, что на жеребьёвке группы формируются случайно?

— Слышала.

— Будет забавно, если мы попадём в одну.

— Забавно? — Лея покосилась на него.

— Ну, или судьбоносно, — он пожал плечами. — Ладно, увидимся в Главном зале.

И он ушёл — широким, уверенным шагом.

До общежития Лея добралась в приподнятом настроении. Мышцы приятно гудели после тренировки, адреналин ещё не совсем схлынул, и где-то глубоко внутри она всё ещё переживала тот момент, когда Селена попыталась проникнуть в её разум — и не смогла.

В душевой было пусто: остальные девушки ещё только подтягивались с плаца. Лея встала под горячую воду и закрыла глаза. День только начался, а она уже победила Селену, не раскрыла свой настоящий уровень и получила молчаливое одобрение декана. Неплохо для шести утра.

После душа она надела форму — серую юбку, белую рубашку, жилет с серебристой отстрочкой, пиджак с эмблемой, — и отправилась в столовую. Народу было мало: первокурс-

ники-мракоборцы уже позавтракали и разошлись, студенты других факультетов ещё не проснулись. В очереди за кашей стояли только Лео и Эшли; Лео при виде Леи кивнул, Эшли зевнула и ничего не сказала.

Лея взяла кашу, тосты и чай, села у окна и достала Вестник. За соседним столом Калёб что-то обсуждал с Лео — она услышала обрывок фразы: «...видел её стойку? Ни одного лишнего движения. Её не просто отец учил, это кто-то ещё...». Лея сделала вид, что не расслышала, и быстро набрала сообщение Фрейе.

«Как ты? Скоро жеребьёвка, встречаемся в Главном зале?»

Ответ от Фрейи пришёл почти сразу:

«ДА! ЖДУ ТЕБЯ ТАМ, БУДУ СЛЕВА У ОКНА. НИЧЕГО НЕ РАССКАЗЫВАЙ БЕЗ МЕНЯ!!!»

Лея улыбнулась и допила чай.

Главный зал к восьми утра был полон.

Первокурсники — все семьдесят пять человек — сидели в центре, на длинных скамьях, расставленных полукругом. Второкурсники — в том числе кураторы — расположились по бокам, на возвышении. Лея заметила Тео и Дара в правом секторе: Тео что-то активно обсуждал с соседом, Дар сидел молча, скрестив руки, и смотрел в центр зала.

Преподаватели заняли первый ряд: генерал Страуд в парадном сюртуке, магистр Вега с неизменным острым лицом, декан артефакторов — седой маг в очках с множеством линз, целительница Фальк, которая всё ещё держала в руке какой-то пузырёк. Ректор — пожилой маг с серебряной бородой — стоял у кафедры, ожидая, пока зал утихнет.

— Лея! Сюда!

Фрейя махала ей с левого ряда, у окна. Лея пробралась между скамейками и села рядом. Фрейя выглядела отдохнувшей и полной энергии — в отличие от большинства первокурсников, она сегодня выпалась.

— Ну как плац? — зашептала она, едва Лея села. — Жива?

— Жива. Декан гонял нас по кругу, а потом разбил на спарринги.

— И? С кем дралась?

— С Селеной Вейн.

Фрейя поперхнулась воздухом.

— Шутить.

— Нисколько.

— И кто победил?

Лея позволила себе лёгкую улыбку.

— Я.

— О-о-о! — Фрейя схватила её за руку. — Рассказывай. Быстро. В деталях.

— Потом, — Лея кивнула в сторону кафедры. — Сейчас начнётся.

Она оглянулась через плечо и заметила Калёба — он сидел через несколько рядов и смотрел на неё. Встретившись с ней взглядом, он не отвёл глаз, а вместо этого чуть заметно улыбнулся. Лея повернулась обратно.

— Что? — спросила Фрейя, проследив за её взглядом. — Кто это?

— Один из мракоборцев. Калёб Рейнольдс.

— Он на тебя смотрит.

— На всех смотрят.

— Да, но на тебя — особенно.

— Фрейя.

— Ладно, молчу, — Фрейя подняла руки в притворной капитуляции. — Но я заметила.

У меня, кстати, через час материаловедение. Говорят, профессор Вейнрайт — гений.

— Ты уже предвкушаешь?

— Ещё как.

Ректор поднялся на возвышение. Мантия его — тёмно-синяя, почти чёрная, из тяжёлого бархата — ниспадала строгими складками до самого пола. Никаких украшений — только серебряное шитьё по вороту, сдержанное и точное, как линии древнего заклинания. Зал затих.

Глава 8. Жеребьёвка

Ректор поднялся на возвышение. Мантия его — тёмно-синяя, почти чёрная, из тяжёлого бархата — ниспадала строгими складками до самого пола. Никаких украшений — только серебряное шитьё по вороту, сдержанное и точное, как линии древнего заклинания. Зал затих.

— Доброе утро, студенты. Сегодня мы определим состав групп на этот учебный год.

Рядом с Леей Фрейя затаила дыхание. Они сидели у окна, на левом ряду, стиснув руки так, будто это могло повлиять на результат.

Ректор взмахнул рукой, и в центре зала, прямо в воздухе, материализовался огромный серебряный поднос, уставленный маленькими металлическими жетонами. Семьдесят пять жетонов для первокурсников. Чуть поодаль появился второй поднос — поменьше, с десятью жетонами для кураторов. Металл мерцал в свете магических свечей, и по залу пробежал возбуждённый шёпот.

— Жеребьёвка будет проходить по древнему принципу случайности, — продолжил ректор. — Каждый жетон содержит имя. Сейчас я активирую заклинание, и жетоны сами распределятся по пяти чашам. Каждая чаша соответствует одной группе. Вмешаться в процесс невозможно — заклинание не подчиняется никому, включая меня.

Он поднял палочку, произнёс что-то низким, вибрирующим голосом — и жетоны взмыли в воздух.

Семьдесят пять серебряных искр закружились под сводчатым потолком, сталкиваясь, разлетаясь, выписывая сложные траектории. Это было похоже на танец — хаотичный и завораживающий. Студенты задрали головы, следя за полётом. Где-то сзади кто-то ахнул: один из жетонов пронёсся особенно близко к скамьям, едва не задев первокурсницу с целительского факультета.

— Смотри, — прошептала Фрейя, — они как живые.

Жетоны кружились минуту, другую, постепенно замедляясь, а затем начали опускаться — один за другим, в пять больших бронзовых чаш, расставленных на длинном столе у кафедры. Каждый жетон падал с мягким звоном, и звук этот отдавался в тишине зала, как биение сердца.

Несколько долгих мгновений — и всё стихло.

Ректор подошёл к первой чаше и запустил в неё руку.

— Группа номер один, — объявил он и начал зачитывать имена.

Пятнадцать имён — и ни одного знакомого. Фрейя нервно качала ногой. Лея поймала себя на том, что считает: группа один сформирована, осталось четыре.

Группа номер два — снова незнакомцы. Три группы позади, осталось две. Фрейя сжала руку Леи.

— Если мы не попадём в одну группу, я этого не переживу, — прошептала она.

— Попадём, — ответила Лея, хотя внутри у неё всё сжималось.

— Третья группа.

Ректор достал первый жетон.

— Фрейя Рейвенхолт.

Фрейя издала тихий, почти неслышный вздох облегчения — и тут же замерла, понимая, что это только половина дела.

— Иди, — шепнула Лея, подталкивая её локтем.

Фрейя поднялась и, провожаемая взглядами, прошла к сектору, отведённому для третьей группы. Она встала там одна — первая из своего набора, — и принялась тереть край рукава.

— Илана Вейс.

Тихая целительница поднялась со своего места и присоединилась к Фрейе.

— Тобиас Марч.

Высокий, нескладный парень с вечно взлохмаченными волосами вскочил так резко, что едва не споткнулся о собственную мантию. Кто-то из его соседей прыснул.

— Рави Сингх.

Спокойный, с достоинством, Рави поднялся и направился к сектору третьей группы. Фрейя приветствовала его кивком.

— Джаспер Флинт.

Рыжий артефактор, вечный соперник Фрейи по мастерской, поднялся с широкой улыбкой. Проходя мимо Фрейи, он шепнул: «Ну вот, Рейвенхолт, теперь ты от меня не отделаешься». Фрейя закатила глаза.

— Кора Линд.

Серьёзная, с вечно испачканными чернилами пальцами, Кора присоединилась к группе, на ходу поправляя очки.

— Селена Вейн.

Лея увидела, как Селена поднялась со скамьи — плавно, с достоинством, поправила волосы и прошествовала к сектору третьей группы. Проходя мимо, она на мгновение задержала взгляд на Лее — холодный, оценивающий, — и прошла дальше. Встала чуть поодаль от остальных, не вливаясь в общую кучку.

— Ну вот, — пробормотала Лея себе под нос, — теперь она в нашей группе.

— Кайл Морган.

— ДА! — Кайл вскочил, потрясая кулаком, и побежал к сектору третьей группы с такой скоростью, будто за ним гнались. Несколько человек засмеялись.

— Орсон Грейвз.

Студент с факультета изучения волшебных существ — в очках, с вечно прищуренным взглядом — поднялся и пошёл к группе, на ходу записывая что-то в блокнот.

— Нисса Торн.

Темнокожая девушка с множеством косичек, в которые были вплетены крошечные амулеты, присоединилась к группе.

— Петра Ковач.

Крепкая, коренастая девушка с руками, привыкшими к работе, поднялась и встала рядом с остальными.

— Лиам Донован.

Иллюзионист с общей магии — тот самый, что приветствовал Лею и Фрейю на вечеринке, — прошёл к группе, на ходу поправляя воротник.

— Аниша Патель.

Миниатюрная, с огромными тёмными глазами, Аниша поднялась и тихо, почти бесшумно, присоединилась к группе.

Сердце Леи колотилось. Тринадцать имён. Осталось два места. Она считала про себя: двенадцать, тринадцать... Неужели не попадёт? Она сжала край скамьи так, что побелели костяшки.

Ректор достал четырнадцатый жетон.

— Калев Рейнольдс.

Лея увидела, как Калев поднялся — высокий, широкоплечий, с коротко стриженными тёмными волосами. Тот самый парень, с которым она познакомилась сегодня утром на плацу. Тот, что говорил с ней после тренировки. Тот, что сказал: «Будет забавно, если мы попадём в одну». Он посмотрел в её сторону — коротко, но с явным удовлетворением, — и направился к сектору третьей группы. Проходя мимо, он чуть заметно улыбнулся ей.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.